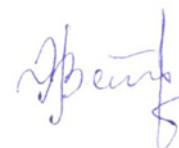

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

ВЕТРОВА ЭЛЬВИРА САБИРОВНА

**РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ЛЕЗГИНСКОЙ И УКРАИНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Донецк – 2018

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Научный консультант: **Калиущенко Владимир Дмитриевич,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой германской филологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

Официальные оппоненты:

Ведущая организация:

Защита состоится 31 мая 2018 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 01.021.06 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, главный корпус, ауд. ____ Тел.: +38 (062) 302-09-22, e-mail: donnu.diss.council@mail.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке организации по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24 и на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» <http://science.donnu.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 01.021.06
к. филол. н., доцент

О. С. Воробьева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Работа посвящена сопоставительному изучению речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах. Под речевым этикетом (далее РЭ) понимается система принятых в том или ином языковом коллективе устойчивых, равнозначных по структуре слову, словосочетанию или предложению высказываний, которые используются в типичных ситуациях вежливого контакта с собеседником, например, в ситуации «Приветствие» – лезг. *Салам алейкум!* ‘Мир Вам!’, укр. *Доброго здоров’я!*; в ситуации «Прощание» – лезг. *Хъсан рехъ хъурай!* ‘Счастливой дороги!’, укр. *Бувайте здорові!*; в ситуации «Пожелание добра» – лезг. *Квез Аллагъ куьмек хъурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!’, укр. *Дай, Боже, час і пору добру!* и т.д.

Степень разработанности проблемы. В последние десятилетия в современной лингвистике наряду с системно-структурным описанием языка наблюдается интенсивное исследование различных языковых элементов с позиций антропоцентризма, т.е. в тесной связи с человеческим коллективом, его историей, культурой, мышлением и мировосприятием. Сегодня как никогда актуальна высказанная еще в XIX веке мысль В. фон Гумбольдта о том, что в каждом языке заложено специфическое мировосприятие: «Язык есть как бы внешним проявлением духа народа: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». В настоящее время интерес к языку в его культурном измерении заметно возрастает и все чаще привлекает внимание ученых (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е. М. Вольф, Е. С. Кубрякова, Т. В. Ларина, В. А. Плунгян, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и др.). В рамках данной общей проблематики особенно актуальным представляется изучение речевого этикета – яркого лингвокультурного феномена, который играет важную роль в отражении национальной картины мира, сложного ассоциативного мышления того или иного этноса, его культурных традиций и духовных ценностей.

Проблема речевого этикета в современном языкознании не является новой. Теоретическим фундаментом ее изучения стали труды английских и американских ученых, выполненные в рамках лингвистической философии и прагматики (P. Brown, H. P. Grice, J. Habermas, J. Holmes, G. Kasper, G. Leech, C. Levinson, J. Ostin, J. Searle, R. J. Watts). В многочисленных работах исследователей вежливость и РЭ рассматриваются в контексте общих стратегий речевого поведения, а также в рамках теории речевых актов. Постепенно вежливость и речевой этикет выделились в самостоятельное научное направление, которое, начиная с 80-х гг. XX века, активно и успешно разрабатывается лингвистами разных стран на международном уровне. В современных лингвистических исследованиях речевой этикет изучается в различных аспектах: лингвопрагматическом (Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Баландина, М. Я. Гловинская, Е. А. Земская, Л. Писарек, Р. Ратмайр, Т. В. Тарасенко, Н. И. Формановская, В. Fraser);

социолингвистическом (В. И. Гвазава, В. И. Карасик, Л. П. Крысин, И. И. Лежнева, S. Mills, J. Holmes, S. Okamoto), гендерном (А. Н. Eagly, J. Holmes, S. Mills), аспекте межкультурной коммуникации (Б. М. Алиева, З. М. Габуня, Т. В. Ларина, Н. И. Формановская, Е. G. Kotorova, M. Hammer) и др. Актуальные проблемы вежливости и речевого этикета рассматриваются на материале разных языков мира: английского (Л. А. Азнабаева, Е. В. Голубкова, Т. В. Ларина, О. С. Скалянчук, Л. П. Ступин), японского (В. М. Алпатов; С. В. Неверов, S. Okamoto), испанского (Н. М. Фирсова), немецкого (Е. В. Руди), белорусского (Н. С. Гребенщикова, М. Конюшкевич), польского (Е. Новак, Л. Писарек), чешского (Н. Ф. Баландина), украинского (С. К. Богдан, В. Н. Литовченко, О. М. Миронюк) и др.

Внимание ученых все чаще привлекают отдельные этикетные единицы: обращения (А. А. Акишина, В. Е. Гольдин, М. М. Копыленко, М. А. Кронгауз, Е. А. Пляскова, Л. П. Рыжова, М. С. Скаб В. И. Супрун, Е. Ф. Сухова, Н. И. Формановская); приветствия (А. А. Акишина, А. Г. Балакай, Н. С. Гребенщикова, М. В. Колтунова, О. А. Крылова); извинения (Р. Ратмайр, Т. В. Тарасенко); пожелания (Б. М. Алиева, Г. Асланханова; Е. В. Вдовина, Д. Ф. Коморова, М. Ч. Кремшокалова, Х. Г. Магомедсалихов, Н. М. Мекеко, В. В. Плешакова, Н. А. Ранних) и др.

В связи с глобализационными процессами, происходящими в современном обществе, расширением межэтнических и межнациональных контактов, а также интенсификацией процессов языкового взаимодействия активизируются сопоставительные исследования, специализирующиеся на выявлении универсального и национально своеобразного в структуре языка вообще (Ш. Р. Басыров, В. Г. Гак, В. Д. Калиущенко, И. А. Стернин, Т. М. Шомахова) и речевого этикета, в частности (Р. А. Газизов, Т. В. Ларина, И. И. Лежнева, С. А. Рисинзон, Э. Ю. Улимбашева, А. С. Чаушев, J. Felix-Brasdefer, M. Sifianou, I. Sosa Mayor и др.).

Следует отметить, что речевой этикет лезгинского и украинского языков относится к разряду малоизученных. Монографические исследования, посвященные комплексному рассмотрению данной проблемы, отсутствуют. Попыток сопоставительного анализа лезгинского и украинского речевого этикета в лингвистике не предпринималось, что свидетельствует о важности и перспективности темы диссертации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что этикетные речевые единицы (далее ЭРЕ) являются базисными элементами речевой коммуникации, способствующими регуляции поведения человека в обществе, гармонизации общения и достижению коммуникативного успеха, а значит – требуют детального и разностороннего изучения. В связи с расширением межнациональных контактов, демократизацией общения и актуализацией проблем межкультурной коммуникации особенно важно рассмотрение ЭРЕ в сопоставительном аспекте с целью выявления сходств и различий в речевом поведении представителей неродственных культур в схожих коммуникативных ситуациях, определения национальной специфики

общения, что поможет в преодолении коммуникативных барьеров и достижении эффективности межкультурного взаимодействия.

Недостаточная разработанность проблемы РЭ в современном сопоставительном языкознании обуславливает необходимость глубокого и всестороннего изучения ЭРЕ на материале различных языков мира (независимо от их места в глобальной языковой иерархии), расширении границ сопоставительного анализа за счет малоизученных языков. Актуальность исследования определяется также тем, что сопоставительный анализ речевого этикета на материале лезгинского и украинского языков осуществляется впервые.

Связь работы с научными темами. Диссертация отвечает направлению исследований, которые разрабатываются на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках госбюджетной научной темы Министерства образования и науки ДНР № 17-1вв/74 «Единицы и категории в разноструктурных языках (лексика и словообразование)».

Цель исследования заключается в разработке концептуального аппарата и методики описания этикетных речевых единиц в лезгинском и украинском языках, комплексном исследовании ЭРЕ, выявлении общих и дифференциальных признаков в их семантике и коммуникативной реализации, установлении причин различий в РЭ сопоставляемых языков. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить общий корпус ЭРЕ в лезгинском и украинском языках и установить их количественный состав;

2) определить теоретико-методологическую базу и терминологический аппарат исследования;

3) разработать методику сопоставительного описания семантики и коммуникативных особенностей ЭРЕ в лезгинском и украинском языках;

4) осуществить классификацию ЭРЕ по семантическому и коммуникативному принципам;

5) определить факторы, влияющие на выбор ЭРЕ в различных ситуациях общения;

6) выделить универсальные параметры этикетного речевого общения лезгин и украинцев;

7) проанализировать национально специфические особенности речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах;

8) изучить обусловленность семантики и особенностей функционирования ЭРЕ социально-историческим и духовным опытом лезгин и украинцев, спецификой их национального сознания и мировосприятия.

Объектом исследования послужили лезгинские и украинские ЭРЕ, функционирующие в ситуациях «Приветствие», «Прощание», «Обращение», «Пожелание добра», «Соболезнование», которые представляют ключевые ситуации общения и обладают большой коммуникативной и социальной значимостью. Кроме того, в фокусе внимания исследования находятся речевые единицы, обслуживающие коммуникативную ситуацию «Пожелание

зла», которые выходят за рамки РЭ, однако являются неотъемлемой частью повседневного общения лезгин и украинцев, выступая своеобразными речевыми табу, играющими важную роль в регуляции и регламентации речевого поведения. ЭРЕ, функционирующие в составе указанных выше этикетных ситуаций, являются носителями важной этнокультурной информации и наиболее рельефно отражают особенности социально-исторического и духовного развития лезгин и украинцев, специфику их национального мышления и мировосприятия.

Выбор языков для сопоставления мотивирован следующими факторами. Лезгинский и украинский языки различаются как в генетическом, так и структурно-типологическом планах. Во-первых, украинский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье и относится к языкам флективного типа, в то время как лезгинский язык представляет кавказскую семью языков и является образцом языков агглютинативного типа. Данный контраст позволяет более наглядно проследить универсальные и национально специфические особенности РЭ, глубже проникнуть в сложную природу ЭРЕ каждого из сопоставляемых языков, что поможет в решении таких важных теоретических проблем, как взаимоотношение языка и культуры, языка и национального сознания и т.д. Во-вторых, лезгины и украинцы представляют различные типы культур (восточную и западную) и религий (мусульманскую и христианскую), которые в условиях глобализации все теснее контактируют. Интенсификация в современном мире общественных, культурных и языковых взаимодействий между народами с различными мировоззренческими установками, укладом жизни и культурно-историческим опытом актуализирует необходимость более глубокого изучения особенностей речевого поведения этносов, а также поиска эффективных языковых механизмов для их мирного сосуществования и бесконфликтного взаимодействия. В-третьих, сопоставление разноструктурных языков представляет большую познавательную ценность для таких приоритетных отраслей современной науки, как лингвистическая типология, лингвистическая прагматика, теория речевых актов, этнолингвистика, лингвокультурология и др.

Предмет исследования – структурно-семантические и коммуникативные особенности ЭРЕ, специфика их функционирования в лезгинской и украинской лингвокультурах.

Материал исследования составляет корпус ЭРЕ, отобранных путем сплошной выборки из следующих источников: словарей (одноязычных, двуязычных, толковых, фразеологических, синонимических, диалектных), лингвострановедческих, культурологических, этнографических и фольклорных трудов, публицистических источников (газет и журналов, краеведческих очерков), эпистолярных текстов, художественных произведений, произведений разных фольклорных жанров. Кроме того, в качестве иллюстраций были использованы речевые образцы, полученные в результате анкетирования и лингвистического интервьюирования информантов, а также собственных наблюдений автора над речью носителей

лезгинского и украинского языков. Сбор материала на лезгинском языке проводился в Республике Дагестан, Российская Федерация, городах Махачкала и Дербент, селах Капир и Курах Курахского района, селе Белиджи Дербентского района. Сбор украинского фактического материала осуществлялся в населенных пунктах разных регионов Украины – Киев, Днепрпетровск, Дрогобыч, Глобино, Гуляйполе, Великие Крынки.

Общий объем выборки составляет 7272 этикетные единицы, из них: 3367 – в лезгинском языке и 3905 – в украинском языке. В фокусе исследования находились как литературные, так и разговорные варианты. В состав выборки вошли разные, не повторяющиеся ЭРЕ. Одни и те же ЭРЕ, входящие в зависимости от ситуации общения в состав двух разных групп, подсчитывались дважды.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые применяется комплексный подход к изучению речевого этикета представителей различных лингвокультур, предлагается новая методика анализа ЭРЕ в сопоставительном аспекте. Впервые сопоставляются лезгинские и украинские ЭРЕ, выявляются общие и дифференциальные признаки в их семантической структуре и коммуникативной реализации, определяются доминантные черты речевого поведения лезгин и украинцев в типичных ситуациях вежливого общения. ЭРЕ рассматриваются сквозь призму социально-исторического и культурного опыта носителей языка, их национального характера, мышления и мировосприятия. В диссертации содержатся новые наблюдения над РЭ каждого из сопоставляемых языков в отдельности, исследуются те его фрагменты, которые до настоящего времени не получили достаточного освещения.

Теоретическая значимость исследования. Разработанный в диссертации концептуальный аппарат создает методологическую основу для дальнейшего изучения РЭ как на материале одного языка, так и нескольких родственных и/или неродственных языков. Теоретические положения и выводы предлагаемого исследования являются вкладом в решение проблемы «язык – человек – культура», в частности, в изучение национальной специфики коммуникативного процесса, а также в разработку теоретических проблем РЭ в рамках таких современных научных направлений, как лингвистическая типология, этнолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, социоллингвистика, психоллингвистика и др.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности включения ее результатов в лекционные курсы высшей школы по общему и сопоставительному языкознанию, лексикологии, стилистике, межкультурной коммуникации, в спецкурсы, посвященные проблемам лингвокультурологии, этнолингвистики, социо- и психоллингвистики, когнитивной лингвистики, гендерной лингвистики и других антропоцентрически ориентированных отраслей научного знания, направленных на формирование умений и навыков эффективной реализации процесса коммуникации представителей различных культур. Материалы диссертации могут использоваться в лексикографической и переводческой практике, а также при написании

монографий, учебников, учебно-методических пособий, справочных изданий и т.д. Фактологический материал может стать основой для создания словаря этикетной лексики лезгинского и украинского языков, а также словаря лезгинско-украинских соответствий.

Методология и методы исследования. Проблема речевого этикета является междисциплинарной, находящейся на стыке нескольких научных областей (лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики, теории межкультурной коммуникации, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, гендерной лингвистики), что предусматривает применение комплексной исследовательской методики. Методика исследования включала следующие этапы: 1) отбор эмпирического материала и формирование корпуса ЭРЕ; 2) классификация отобранного эмпирического материала; 3) семантический и коммуникативный анализ ЭРЕ. *На первом этапе* исследования отбор эмпирического материала осуществлялся путем сплошной выборки этикетных единиц из лексикографических и текстовых источников. Кроме того, использовались методы лингвистического анкетирования, интервьюирования и наблюдения, которые позволили изучить влияние на выбор ЭРЕ таких факторов, как пол, возраст, профессия, социальное положение коммуникантов, характер их взаимоотношений и др.

На втором этапе применялся *описательный метод*, который позволил обобщить и систематизировать отобранный материал, исследовать его состав, структуру, проанализировать основные семантические и коммуникативные признаки. Основным приемом данного метода послужила классификация, предполагающая установление типов отношений между исследуемыми ЭРЕ. Классификация отобранного материала проводилась с учетом лексического состава ЭРЕ, их семантики, реализуемых коммуникативных функций. Вначале ЭРЕ были поделены на группы в зависимости от ситуации их использования. В результате было выделено 6 тематических групп речевых единиц: обращения, приветствия, прощания, пожелания добра, соболезнования, пожелания зла. В рамках каждой группы выделены подгруппы ЭРЕ. В составе некоторых подгрупп выявлены более мелкие структурные образования – синонимические ряды.

Анализ ЭРЕ *на третьем этапе* исследования осуществлялся с помощью следующих методов лингвистического анализа: *метод компонентного анализа* использовался при установлении семантического объема ЭРЕ, определении относительной избыточности этикетных речевых единиц или их экономии в той или иной ситуации общения в сопоставляемых языках; *метод дистрибутивного анализа* применялся при разграничении семантики многозначных ЭРЕ; *метод контекстуального анализа* помог определить зависимость значения этикетных речевых единиц от специфики контекста, выявить характер их сочетаемости с другими словами; *сопоставительный метод* позволил описать ЭРЕ в лезгинском и украинском языках через системное сопоставление с целью выявления общих и дифференциальных особенностей в их семантике и функционировании; *метод количественного анализа* использовался для выявления степени продуктивности лезгинских и

украинских ЭРЕ, употребляемых в той или иной ситуации общения, определения их значимости для представителей лезгинской и украинской лингвокультур, установления зависимости между количественными и качественными характеристиками ЭРЕ.

В начале работы над эмпирическим материалом была сформулирована **исходная гипотеза исследования**, которая нашла подтверждение и была расширена во время изучения структурно-семантических и коммуникативных особенностей ЭРЕ в лезгинской и украинской лингвокультурах. Предполагается, что в системе лезгинского и украинского РЭ наблюдаются общие черты, что обусловлено универсальностью человеческого мышления и способов категоризации объектов окружающего мира средствами языка. Вместе с тем, несмотря на универсальный характер ЭРЕ, в их продуктивности, семантике и коммуникативной реализации обнаруживаются различия, обусловленные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, установление которых должно было послужить одной из основных задач исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. РЭ относится к лингвокультурным универсалиям. В сопоставляемых языках ЭРЕ используются в идентичных коммуникативных ситуациях и образуют группы, одинаковые для обоих языков. Однако количественный состав и продуктивность данных групп, а также семантические и коммуникативные признаки ЭРЕ, входящих в их состав, различны.

2. РЭ представляет собой упорядоченную систему ЭРЕ, между которыми устанавливаются различные типы отношений: парадигматические, синтагматические, иерархические, синонимические, антонимические, омонимические.

3. В системе РЭ сопоставляемых языков наблюдаются количественные различия, относящиеся к общему составу ЭРЕ, составу этикетных групп и их продуктивности, что обусловлено в первую очередь структурными особенностями сопоставляемых языков, которые принадлежат к разным типам (лезгинский язык – образец языков агглютинативного типа, украинский – флективного типа). К данным структурным особенностям относятся следующие: отсутствие грамматической категории рода в лезгинском языке и ее наличие в украинском языке, отсутствие диминутивных суффиксов в лезгинском языке и их использование в украинском языке. Кроме того, ЭРЕ лезгинского языка в большей степени, нежели украинские ЭРЕ, обнаруживают тенденцию к полисемии и полифункциональности.

4. В системе РЭ сопоставляемых языков наблюдаются качественные различия, касающиеся лексического состава ЭРЕ, их семантических признаков, мотивов (в пожеланиях добра и зла) и коммуникативных особенностей, что обусловлено в первую очередь экстралингвистическими факторами, в частности, различным восприятием коммуникативной ситуации и разными способами ее категоризации средствами языка: лезгины

воспринимают реальность более абстрактно и синкретично, тогда как украинцы склонны к ее членению и детализации.

5. В РЭ сопоставляемых языков наблюдаются гендерные асимметрии и тенденция к андроцентричности. При этом в лезгинском языке данные тенденции более выразительны, что проявляется в жесткой регламентации речевого общения, четком разграничении мужских и женских этикетных высказываний. В украинском языке общение мужчин и женщин имеет более демократичный характер, четкое разграничение мужских и женских ЭРЕ отсутствует.

6. В семантике и коммуникативной реализации ЭРЕ нашли отражение мировоззренческие представления этносов, особенности их культуры, обычаев, национальных традиций.

Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается его внутренней логикой и концептуальным подходом к изучаемому предмету, фундаментальностью методологической основы, четкостью поставленных задач, а также большим объемом рассмотренного эмпирического материала.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в докладах на следующих конференциях: XL-XLI Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (г. Москва, 2015), Международной научной конференции Горловского педагогического института иностранных языков «Восточнославянская филология: от Нестора до современности» (г. Горловка, 2013 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологических наук: научные дискуссии» (г. Одесса, 2015 г.); Международной научной конференции ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт» «Образование в современном мире: теория, методология, практика» (г. Донецк, 2017 г.). Доклады по теме исследования обсуждались на межкафедральных научных семинарах и заседаниях кафедры украинской филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь, 2015–2016 гг.), межкафедральных научных семинарах факультета иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк, 2018 г.).

Основные положения диссертации изложены в монографии «Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте», а также в 20 публикациях, 17 из которых размещены в специализированных научных изданиях ВАК ДНР, России, Украины.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, шести глав с выводами к каждой из них, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы (380 научных источников на русском, украинском, английском, немецком, чешском, польском языках), списка источников иллюстративного материала (76 позиций). Общий объем работы составляет 398 страниц. Основной текст диссертации включает 354 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность исследования, определена степень разработанности изучаемой проблемы, сформулированы цель и задачи работы, определены эмпирический материал, объект, предмет и методы исследования, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, описана структура диссертационного исследования, представлены данные об апробации его результатов.

1. Первая глава **«Теоретические предпосылки изучения речевого этикета»** содержит теоретическое обоснование базовых положений диссертации, толкование основных понятий, критический обзор результатов предыдущих исследований по теме, анализ различных подходов к изучению проблемы речевого этикета.

1.1. РЭ непосредственно связан с ситуацией общения. Эта связь имеет двойственный характер: «с одной стороны, единицы речевого этикета типизировано проявляются в соответствующих ситуациях, с другой стороны, компоненты ситуации откладываются в единицах речевого этикета категориально значимые признаки в силу устойчивой прикрепленности к стандартным ситуациям стандартных единиц» (Н. И. Формановская).

Под этикетными речевыми ситуациями подразумеваются типичные, регулярно повторяющиеся ситуации общения, направленные на установление доброжелательных отношений с собеседником путем соблюдения определенных правил и ритуалов, принятых в данном обществе, с использованием соответствующих языковых средств. Этикетная речевая ситуация представляет собой сложное структурное образование, совокупность таких компонентов, определяющих форму и содержание речевого сообщения, направляемого адресату, как: 1) субъект (говорящий, адресант) и его социальные роли; 2) объект (слушающий, адресат) и его социальные роли; 3) характер взаимоотношений коммуникантов (официальные – нейтральные – дружеские); 4) обстановка общения (неформальная, нейтральная, официальная); 5) пространственно-временные параметры ситуации (место и время общения); 6) речевая интенция – намерение говорящего осуществить определенное речевое действие; 7) этикетные речевые средства, необходимые для осуществления речевого намерения говорящего; 8) способ связи (контактное или дистантное общение; устная или письменная форма). Изменение хотя бы одного из компонентов (например, социальных ролей общающихся или обстановки общения) влечет за собой изменение языкового оформления этикетной ситуации, что обусловлено необходимостью выбора этикетных речевых средств, наиболее оптимальных и уместных в конкретных коммуникативных условиях.

Перечисленные выше компоненты играют неодинаковую роль в конструировании этикетной речевой ситуации. По мнению А. К. Байбурина, главным критерием «этикетности» общения является наличие «несовпадений» между адресантом и адресатом по каким-либо социальным

признакам (полу, возрасту, социальному статусу, уровню образования и т.д.). Данные различия определяются на начальной стадии общения, когда каждый из участников коммуникативного процесса соотносит свои социальные признаки с социальными признаками собеседника и выбирает соответствующую тактику речевого поведения. Чем больше признаков, по которым участники общения отличаются, тем выше степень этикетности ситуации и обязательность соблюдения правил.

Социальные различия между коммуникантами проявляются в двух планах. Во-первых, это различия в социальных ролях, которые принимают на себя участники коммуникативного процесса (например, начальник-подчиненный, профессор-студент, отец-сын, хозяин-гость и т.д.). Данные признаки не являются постоянными: в зависимости от ситуации, один и тот же человек может быть носителем разных ролей (на работе – профессор, дома – отец, муж и т.д.). Во-вторых, на социальные роли накладываются постоянные или долговременные социальные характеристики коммуникантов, маркирующие их принадлежность к определенной социальной группе по следующим критериям: возраст, пол, образование, профессия, воспитание, национальность и т.д. Представления о типичном исполнении той или иной роли реализуются в этикетных речевых стереотипах, которые являются неотъемлемой частью ролевого поведения.

Большое значение в конструировании этикетной речевой ситуации имеет речевая интенция. Любое этикетное речевое действие осуществляется с определенным коммуникативным намерением, т.е. направлено на достижение какой-либо цели. Речевая интенция выступает неизменным условием эффективности последующего речевого взаимодействия, поскольку является связующим звеном между языком и человеком. Только правильно распознав речевую интенцию говорящего (например, привлечь внимание, пригласить, поблагодарить, попросить, извиниться и т.д.), адресат может правильно воспринять сообщение и соответствующим образом на него отреагировать. Реализация той или иной речевой интенции предполагает использование определенных этикетных средств, наиболее оптимальных для правильной ее идентификации и регулирования коммуникативного процесса.

Для реализации речевой интенции говорящего недостаточно одного только намерения осуществить то или иное речевое действие. Необходимо следовать языковым конвенциям – соглашениям, принятым в данном языковом сообществе относительно использования тех или иных речевых средств в конкретной этикетной ситуации. Иными словами, каждая этикетная ситуация владеет своим речевым инструментарием, и в случае неадекватного его использования интенция адресанта может быть неправильно интерпретирована адресатом. В современном речевом общении существует множество этикетных речевых ситуаций, которые дифференцируются на основании речевых интенций коммуникантов: обращение, приветствие, прощание, просьба, благодарность, извинение, приглашение, пожелание добра, соболезнование и др.

1.2. РЭ представляет собой упорядоченную систему, между элементами которой устанавливаются различные типы отношений, соответствующие разным формам умственной деятельности человека: членению целого на части (синтагматические отношения) и группировке единиц на основе их ассоциативного сходства (парадигматические отношения).

Парадигматические отношения не линейны и не одновременны в речевой коммуникации. Они представляют собой соотношения между ЭРЕ, объединяемыми в сознании говорящего определенными ассоциациями. На основе общности семантических или коммуникативных признаков ЭРЕ объединяются в парадигмы, группы, подгруппы. Этикетные парадигмы представляют собой набор однородных по речевой интенции языковых единиц, противопоставляющихся по одному или нескольким признакам. Объединение ЭРЕ в парадигмы обеспечивает возможность выбора в процессе общения фразы, наиболее уместной и необходимой в той или иной коммуникативной ситуации. Многие ЭРЕ являются одновременно членами разных этикетных парадигм и соответственно обслуживают разные этикетные ситуации. Так, например, украинское высказывание *Будьте здорові!* может выполнять функции прощания, пожелания добра, ответа на благодарность и др. Аналогичные функции в лезгинском языке выполняет этикетная фраза *Сагъ хьурай!* 'Будь здоров!'

ЭРЕ, входящие в состав этикетной парадигмы, семантически неоднородны и соотносятся с разными фрагментами объективной реальности, что способствует объединению их в подгруппы с учетом семантики и реализуемых коммуникативных функций. В рамках каждой подгруппы возможно выделение более мелких образований – синонимических рядов, элементы которых различаются по семантическим и/или стилистическим признакам. Например, лезгинские обращения-термины родства *буба*, *дах* 'отец' различаются по семантике (*буба* – обращение к отцу, деду, незнакомому человеку преклонного возраста; *дах* – обращение к отцу) и стилистически (*буба* – нейтральное, *дах* – эмоционально окрашенное). Украинские обращения *дівчино*, *дівчинько* совпадают по семантике, но различаются стилистически: первое – нейтральное, второе – уменьшительно-ласкательное. ЭРЕ, входящие в разные этикетные парадигмы, могут вступать в антонимичные и омонимичные отношения. Антонимичные отношения реализуются между единицами, которые имеют противоположные, но при этом соотносимые значения и представляют собой две крайние точки одного признака, равноудаленные от его нулевого значения. В антонимичные отношения вступают, например, приветствия и прощания, которые обслуживают асимметричные стадии коммуникативного процесса – начало и конец, например: лезг. *Салам алейкум!* 'Мир Вам!', укр. *Здрастуйте!* (приветствие адресата при встрече) – лезг. *Сагъ хьурай!* 'Будьте здоровы!', укр. *Прощайте!* (приветствие адресата при прощании). Отношения противопоставления устанавливаются также между пожеланиями добра и зла: лезг. *Ви кьил сагъ хьуй!* 'Чтоб голова была здорова!' – *Вак азар*

куткурай! ‘Чтоб тебя болезнь взяла!’, укр. *Дай, Боже, щастя!* – *Бодай на тебе болячка!* и др.

В омонимичные отношения вступают ЭРЕ, которые совпадают по форме (звучанию и написанию), но различаются по семантике, что определяется в контексте. Этикетные омонимы, как правило, возникают в результате распада полисемии, когда какое-либо из значений этикетного высказывания полностью утрачивает связь с остальными его значениями. Например, ЭРЕ лезг. *Багъишламшиа!*, укр. *Пробачте!*, изначально используемые исключительно в ситуации извинения, в определенных коммуникативных условиях стали употребляться в ситуации обращения в качестве привлечения внимания собеседника. При этом следует отметить, что разграничение этикетной омонимии и полисемии в большинстве случаев сопряжено с определенными трудностями.

В процессе речевого общения ЭРЕ выстраиваются в линейную последовательность, между элементами которой устанавливаются разнообразные грамматические и смысловые связи, т.е. вступают в синтагматические отношения. Выбор того или иного этикетного знака влечет за собой с большей или меньшей степенью обязательности соответствующий подбор последующих элементов речевой цепочки. С помощью данного типа отношений устанавливается комбинаторика ЭРЕ – единицы более низкого уровня являются составными частями единиц более высоких уровней, т.е. образуют определенную иерархию ЭРЕ. Сочетаемость ЭРЕ в потоке речи зависит от ряда факторов, среди которых основными являются: 1) особенности лексической сочетаемости слов в языке; 2) особенности стилистической сочетаемости слов языка; 3) особенности синтаксического строя языка; 4) традиции словоупотребления в том или ином языке. Одним из факторов ограничения в сочетаемости ЭРЕ может служить их стилистическая принадлежность. Например, обращения типа лезг. *диде* ‘мама’, укр. *мамочко*, являющиеся маркерами интимного семейного общения, свободно сочетаются с лексемами, содержащими идентичные коннотации, например, лезг. *чан* ‘душа’, *играми* ‘дорогая’, укр. *дорога*, *кохана* и т.д. Сочетание данных обращений с официально маркированными определениями типа лезг. *гьурметлу* ‘уважаемая’, укр. *шановна* будет неуместным, несмотря на то, что адресант, безусловно, не только любит своего собеседника, но и уважает его.

Таким образом, РЭ представляет собой самостоятельную языковую систему, которая характеризуется наличием ряда специфических признаков – структурных, семантических и функционально-коммуникативных.

1.3. В системе РЭ сопоставляемых языков действуют общие и различные тенденции, охватывающие как количественный состав, так и качественные характеристики этикетных речевых единиц (см. табл. 1).

Количественные характеристики ЭРЕ в лезгинской и украинской лингвокультурах

№ п/п	Речевые ситуации	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	«Обращение»	1350	40,1	1680	43
2.	«Пожелание добра»	950	28,2	978	25
3.	«Пожелание зла»	720	21,4	780	20
4.	«Соболезнование»	147	4,4	160	4,1
5.	«Приветствие»	110	3,3	187	4,8
6.	«Прощание»	90	2,6	120	3,1
	Всего	3367	100	3905	100

В сопоставляемых языках обнаружено разное количество ЭРЕ: в украинском языке зафиксировано на 538 единиц больше. Обнаружено, что наиболее продуктивными в обеих лингвокультурах являются ЭРЕ, функционирующие в ситуации «Обращение». В лезгинской лингвокультуре их количество составляет 1350 единиц (40,1%); в украинской – 1680 (43%). Данный результат обусловлен тем, что обращение к собеседнику – «самый многочисленный, употребительный и семантически веский разряд коммуникативных единиц, образующих “лексико-семантическую парадигму адресатности”» (А. В. Полонский).

Второе место по продуктивности занимают ЭРЕ ситуации «Пожелание добра». В лезгинском языке в ее состав входит 950 единиц (28,2%), в украинском – 978 единиц (25%). Данный факт свидетельствует о том, что доброжелательное отношение к собеседнику – типичная особенность РЭ обеих лингвокультур. Продуктивными в обоих языках являются также речевые единицы, обслуживающие ситуацию «Пожелание зла». В лезгинской лингвокультуре их количество составляет 720 единиц (21,4%), в украинской – 780 (20%). Пожелания зла – неотъемлемый компонент повседневного общения лезгин и украинцев, свидетельствующий об эмоционально-экспрессивном характере обоих народов.

Приблизительно одинаковое количество ЭРЕ в лезгинском и украинском языках обнаружено в рамках тематических групп «Соболезнование», «Приветствие» и «Прощание», которые в обеих лингвокультурах относятся к наименее продуктивным. При этом следует отметить, что в лезгинском языке большим количеством ЭРЕ располагает ситуация «Соболезнование» (147 единиц, т.е. 4,4%), тогда как в украинском языке более продуктивны ЭРЕ ситуации «Приветствие» (187 единиц, т.е. 4,8%). В лезгинской и украинской лингвокультурах наименьшей степенью продуктивности характеризуются ЭРЕ ситуации «Прощание» (2,6% и 3,1% соответственно).

2. Во второй главе «Речевой этикет в ситуации “Обращение”» представлены результаты анализа семантики и коммуникативных

особенностей лезгинских и украинских обращений, определены их общие и отличительные признаки.

2.1. Обращения играют важную роль в достижении коммуникативного успеха, поскольку на начальной стадии интеракции они выступают основными носителями информации о намерениях адресанта, задавая тон последующей беседе, а также позволяют поддерживать контакт и регулировать отношения в течение всего взаимодействия коммуникантов. В сопоставляемых языках в составе обращений зафиксированы наибольшие количественные различия (см. табл. 1), что обусловлено следующими факторами: 1) наличием в украинском языке большого количества вариантов обращений, образованных с помощью диминутивных суффиксов, которые в лезгинском языке, несмотря на его агглютинативный характер, отсутствуют (например, при обращении к отцу в лезгинском языке используется 4 формы: *буба* ‘отец’, *дах* ‘папа’, *чан буба*, *играми дах* (ласк.), в украинском языке – около 20: *батьку*, *батенько*, *батечко*, *тату*, *таточко* и др.; 2) различиями в грамматической системе языков: последовательным разграничением обращений к адресатам мужского и женского пола – в украинском языке (например, *синку-доню* и многочисленные производные от них), отсутствием в лезгинском языке грамматической категории рода и функционированием гендерно-нейтральных обращений типа *зи масанди* ‘мой(-я) дорогой(-ая)’, *гьуьрметлу* ‘уважаемый / уважаемая’, *хизан сагъ хъайди* ‘обладающий(-ая) благополучной семьей’ и др.; 3) многозначностью некоторых лезгинских обращений и однозначностью аналогичных форм в украинском языке, например, лезг. *хтул* – обращение к внуку, правнуку, племяннику; *буба* – обращение к отцу, деду; *бажи* – обращение к матери и бабушке. В украинском языке по отношению к разным категориям родственников используются разные ЭРЕ.

2.2. В сопоставляемых языках обращения, в зависимости от реализуемых ими функций, делятся на 4 группы, количественный состав которых в сопоставляемых языках не совпадает (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы обращений и их количественные характеристики в лезгинской и украинской лингвокультурах

№ п/п	Типы обращений	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	Обращения-экспрессивы	942	69,8	1180	70,2
2.	Обращения-регулятивы	258	19,1	300	17,9
3.	Обращения-индексы	100	7,4	153	9,1
4.	Обращения-апеллятивы	50	3,7	47	2,8
	Всего	1350	100	1680	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в обеих лингвокультурах наибольшее количество ЭРЕ зафиксировано в составе

обращений-экспрессивов: в лезгинском языке – 942 единицы (69,8%), в украинском языке – 1180 единиц (70,2%). Второе место по продуктивности в лезгинском и украинском языках занимают обращения-регулятивы: 258 единиц (19,1%) и 300 единиц (17,9%) соответственно. В обоих языках незначительное количество ЭРЕ зафиксировано в составе обращений-индексов: в лезгинском языке – 100 единиц (7,4%), в украинском языке – 153 единицы (9,1%). Наименьшее количество ЭРЕ функционирует в составе подгруппы «Обращения-апеллятивы». В лезгинском языке их зафиксировано 50 единиц (3,7%), в украинском языке – 47 единиц (2,8%).

2.2.1. Обращения-экспрессивы. В обоих языках наиболее продуктивны обращения-экспрессивы (см. табл. 2). Данный факт свидетельствует о том, что категория эмоциональной оценки, тесно связанная с культурой этноса и национальным менталитетом, в обоих языках занимает приоритетные позиции и обладает широкими возможностями для языковой экспликации. Исследование показывает, что наиболее продуктивным способом создания данных форм адресации в обоих языках является ассоциативно-образное переосмысление объектов и явлений окружающей действительности посредством метафоризации. Объектами образного переосмысления становятся, как правило, одни и те же фрагменты объективной реальности, что обусловлено универсальностью человеческого мышления и способами освоения окружающего мира, например, лезг. *хур цIару кьвед* ‘куропатка с пестрой грудью’, *чан женнетдин цуьк* ‘цветок мой райский’, *экуьнин гьед* ‘утренняя звезда’, *ширин вирт* ‘сладкий мед’; укр. *голубко*, *мій рожевий цвіте*, *моя хистка лілеє*, *сонечко моє*, *зірочко*.

Вместе с тем обращения-экспрессивы характеризуются и ярко выраженной национальной спецификой, что обусловлено в первую очередь разной степенью продуктивности данных форм в сопоставляемых языках (см. табл. 3).

Таблица 3

Семантические типы обращений-экспрессивов и их количественные характеристики в лезгинской и украинской лингвокультурах

№ п/п	Виды компонентов в составе обращений-экспрессивов	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	Живая природа: – зооморфизмы – фитоморфизмы	380 150 230	40,3	465 255 210	39,4
2.	Небесные светила	248	26,3	315	26,7
3.	Сладости	180	19,1	24	2
4.	Драгоценные металлы и камни	47	5	30	2,5
5.	Части тела	20	2,1	70	5,9
6.	Религиозная сфера	42	4,5	80	6,8
7.	Абстрактные наименования	15	1,6	180	15,3
8.	Другие	10	1,1	16	1,4
	Всего	942	100	1180	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, наибольшее количество обращений-экспрессивов в обоих языках зафиксировано в рамках подгруппы «Живая природа». Обнаружено, что более востребованными в лезгинском языке являются обращения-фитоморфизмы, тогда как в украинском языке – обращения-зооморфизмы.

Второе место по продуктивности занимают ЭРЕ с компонентом «Небесные светила», при этом в украинском языке таких обращений зафиксировано на 67 единиц больше. ЭРЕ остальных подгрупп в сопоставляемых языках имеют разную степень продуктивности. В украинском языке на третьем месте находятся ЭРЕ с компонентом «Абстрактные наименования», тогда как в лезгинском языке данную позицию занимают ЭРЕ с компонентом «Сладости». Четвертую позицию в лезгинском языке занимает подгруппа «Драгоценные металлы и камни», в украинском языке – подгруппа «Религиозная сфера», которая в лезгинском языке занимает более низкую ступень. В лезгинском языке наименее продуктивны ЭРЕ с компонентами «Части тела» и «Абстрактные наименования», которые более активны в украинском языке. И, наоборот, в украинском языке наименьшее количество ЭРЕ зафиксировано в подгруппах «Драгоценные металлы и камни» и «Сладости», которые в лезгинском языке занимают более приоритетные позиции.

Национальную специфику обнаруживают не только количественные, но и качественные характеристики обращений-экспрессивов, о чем свидетельствуют следующие выявленные тенденции: 1) процессу метафоризации подвергаются разные объекты окружающего мира, что объясняется в первую очередь природно-географическими факторами (ср.: лезг. *лань*, *куропатка*, *черешня*, *алыча* и укр. *ласточка*, *лебедь*, *верба*); 2) процессу метафоризации подвергаются одинаковые объекты окружающей действительности, однако их символические и оценочные смыслы не совпадают или совпадают частично.

2.2.2. Обращения-индексы. В РЭ обеих лингвокультур зафиксированы обращения-индексы, основная функция которых – назвать адресата речи, идентифицировать его по определенному признаку (полу, возрасту, должности, профессии, роду занятий, семейному статусу и т.д.), например, лезг. *я муаллим* ‘учитель’, *я духтур / духтир* ‘доктор’, *я буба* ‘отец’, *я диде* ‘мать’, *я гада* ‘парень, сын’, *я руш* ‘девочка, дочка’ и др., укр. *редакторе*, *докторе*, *міністре*, *директоре*, *тату*, *мамо*, *чоловіче*, *жінко* и др. Обращения-индексы сами по себе не являются вежливыми или невежливыми. Их этикетная информация минимальна. Однако в контексте коммуникативной ситуации, помимо идентификации адресата, они выполняют и другие не менее важные функции – привлекают внимание адресата, помогают включиться в речевой контакт, чем обусловлена их инициальная позиция в структуре ЭРЕ.

Обращения-индексы в лезгинском и украинском языках семантически неоднородны и в зависимости от категориального признака, лежащего в основе идентификации, делятся на четыре подгруппы:

1) профессиональные обращения (называют адресата по профессии, званию или роду занятий); 2) антропометрические обращения (называют адресата по признаку пола и возраста); 3) обращения-термины родства (называют адресата по его месту в семейной иерархии).

В сопоставляемых языках в состав выделенных подгрупп входит неодинаковое количество ЭРЕ (см. табл. 4).

Таблица 4

**Типы обращений-индексов и их количественные характеристики
в лезгинской и украинской лингвокультурах**

№ п/п	Типы обращений-индексов	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	Обращения-термины родства	46	46	97	59,9
2.	Антропометрические обращения	32	32	25	15,4
3.	Профессиональные обращения	22	22	40	24,7
	Всего	100	100	162	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в сопоставляемых лингвокультурах степень продуктивности ЭРЕ в пределах выделенных подгрупп неодинакова. В обоих языках наибольшее количество этикетных единиц зафиксировано в рамках подгруппы «Термины родства»: в лезгинском языке – 46 единиц (46%), в украинском языке – 97 единиц (59,9%). В лезгинском языке второе место по продуктивности занимают антропометрические обращения – 32 единицы (32%), тогда как в украинском языке – профессиональные обращения – 40 единиц (24,7%). В лезгинской лингвокультуре, в отличие от украинской, профессиональные обращения являются менее продуктивными (зафиксировано на 18 единиц меньше), что свидетельствует о более демократичном характере лезгинского РЭ.

2.2.2.1. Обращения-термины родства. В сопоставляемых языках обращения-термины родства функционируют в двух значениях: относительном и абсолютном. В обращениях первой группы закреплён тип номинации, фиксирующий родственную связь одного человека с другим. В соответствии с этим одному и тому же лицу могут быть адресованы разные обращения в зависимости от того, в каких родственных отношениях состоят коммуниканты. Характерной особенностью вокативов второй группы является то, что они могут употребляться в абсолютном значении, т.е. по отношению к не-родственникам, проецируя таким образом на коммуникативную ситуацию модель семьи и приписывая отношениям между ее участниками соответствующие «семейные» признаки.

Обращения-термины родства в своем прямом значении реализуют в первую очередь номинативную функцию (обозначение адресата речи, выделение его из ряда других собеседников), т.е. являются словами-индексами, которые в процессе общения нагружаются дополнительными

функциями (апеллятивной, контактоустанавливающей эмотивной и др.). Употребляясь в переносном значении, данные ЭРЕ переходят в разряд регулятивов, главная функция которых – регулирование взаимоотношений между собеседниками, гармонизация межличностного общения, например: ‘отец’ – лезг. *буба, дах, чан буба, играми дах* (ласк.), укр. *батьку, батьо, батусь, батуньо, батусьо, батенько, батечко, батонько; тату, татку, таточко, татенько, татечко, татонько, татульо, татуленько, татунь, татуньо, татусю, татусьо, татусику*, диал. *татцьо, татценько*, ‘мать’ – лезг. *диде, бах*, диал.: *бажи, йаъ, ана; чан диде, масан диде* (ласк.), укр. *мамо, мамочко, мамуню, мамусю, мамусечко, мамусенько, мамунечко, мамцю, мамуньцю, матусю, матусенько, матінко, матіночко*, диал. *матюнко, матьонко; неню, неньо, ненько, ненечко* и т.д.

В системе обращений-терминов родства в сопоставляемых языках наблюдаются существенные количественные различия. Данный факт объясняется в первую очередь функционированием в украинском языке множества вариантов обращений, образованных с помощью диминутивных суффиксов, которые являются носителями эмоционально-оценочного значения. В лезгинском языке, несмотря на его агглютинативный характер, подобные словообразовательные средства отсутствуют. Данный факт вполне соответствует нормам национального семейного этикета: атмосфера лезгинского семейного общения отличается строгостью, четкой регламентацией, эмоциональной сдержанностью, тогда как отношения в украинской семье более демократичны и эмоциональны. На количественный состав обращений влияют и другие факторы. Большинство лезгинских обращений-терминов родства являются полисемантическими и могут адресоваться членам семьи, занимающим разные позиции в семейной иерархии, например, *хтул* – обращение к внуку, правнуку, племяннику; *буба* – обращение к отцу, деду; *бажи* – обращение к матери и бабушке. В украинском языке термины родства, используемые в рамках семьи, однозначны, вследствие чего по отношению к разным категориям родственников используются разные ЭРЕ.

2.2.2.2. Антропометрические обращения характеризуются тем, что указание на пол и возраст адресата является их семантической доминантой, например, лезг. *я гада* ‘мальчик, юноша’ – *я руш* ‘девочка, девушка’, *я кас* ‘мужчина’ – *я наб* ‘женщина’, *чІехи буба* ‘дедушка’ – *чІехи диде* ‘бабушка’; укр. *хлопче, парубоче* – *дівчино, чоловіче* – *жінко, бабусю* – *дідусю*. Как свидетельствуют приведенные выше примеры, антропометрические обращения в обоих языках сформировались преимущественно за счет обращений-терминов родства, которые утратили связь с понятием «родство» и расширили сферу своего функционирования. Обращения данного типа в сопоставляемых языках характеризуются неодинаковой степенью продуктивности. В лезгинском языке они занимают более приоритетные позиции по сравнению с украинским языком (см. табл. 4), что свидетельствует о более демократичном характере лезгинского РЭ.

2.2.2.3. Профессиональные обращения. В данную подгруппу входят ЭРЕ, номинирующие адресата по профессии, роду деятельности, должности, званию (ученому, военному и т.д.), академическим титулам, например: лезг. *директор, духтур* 'доктор', *муаллим* 'учитель', *профессор* и др.; укр. *директоре, ректоре, учителю, міністре* и др. Следует отметить, что данные ЭРЕ характеризуются незначительной информативностью, поэтому встречаются нечасто – преимущественно в письменной форме официально-делового стиля. В результате анализа установлено, что в лезгинском языке профессиональные обращения менее продуктивны, чем в украинском языке. Данный факт дает основания предполагать, что лезгинский РЭ характеризуется смещением акцентов со статусных отношений на межличностные, т.е. ориентирован на сокращение дистанции между коммуникантами и искреннее проявление доброжелательности к адресату.

2.2.3. Обращения-регулятивы. Специфической особенностью данных обращений является то, что в отличие от индексов, они не называют адресата по какому-либо социально-ролевому признаку, а представляют собой инструмент регулирования личных оценок и отношений. В большинстве случаев обращения-регулятивы возникают из обращений-индексов. Происходит это тогда, когда слово утрачивает способность передавать социальные признаки адресата и обретает новые функции – указывает на тип отношений, создаёт определённую атмосферу общения – непринуждённую, дружескую, шутивную и т.д. Так, в качестве обращений-регулятивов в лезгинском и украинском языках могут использоваться термины родства, которые утратили семантическую связь с понятием «семья» и стали использоваться по отношению к адресатам, с которыми адресант не состоит в родственных отношениях, например, лезг. *буба* 'отец', укр. *батьку* могут адресоваться не только родному отцу, но и любому старшему по возрасту мужчине в знак уважения. В составе обращений-регулятивов в сопоставляемых языках зафиксированы незначительные количественные различия (см. табл. 2). Вместе с тем в украинском языке данные формы более продуктивны.

Помимо терминов родства, используемых в переносном значении, в качестве обращений-регулятивов в сопоставляемых языках используются и другие ЭРЕ, регулирующие отношения между собеседниками в соответствии с закреплёнными в обществе правилами, нормами, традициями, ср.: лезг. *ханум* 'сударыня, госпожа', *халум* 'барыня, госпожа', *жанаб* 'господин, почтенный' (устар.), *гьурметлу* 'уважаемый(-ая)', *дуст* 'друг, приятель', *юлдаш* 'товарищ, друг, подруга' и укр. *пане-пані, добродію-добродійко, товаришу-товаришко; друже-подруго, приятелю-приятелько, побратиме, земляче, хлопче (парубоче)-дівчино, чоловіче-жінко*. Главная функция подобных обращений заключается не в назывании адресата по какому-либо социальному признаку, а в установлении вежливого контакта с ним, что объясняет их эффективность при взаимодействии с незнакомым адресатом, социальные признаки которого неизвестны говорящему.

2.2.4. Обращения-апеллятивы. Привлечение внимания собеседника реализуется с помощью единиц разных языковых уровней. Значительным

апеллятивным потенциалом обладают междометия, которые довольно часто используются в повседневной коммуникативной практике лезгин и украинцев. Специфика данных речевых единиц заключается в том, что они лишены номинативной функции, выражая эмоционально-волевые реакции говорящего. Функциональные возможности междометий достаточно широки. В определенных условиях общения, помимо оценочно-экспрессивного значения, они могут также реализовать функции установления контакта с адресатом, привлечения его внимания, побуждения к ответной реакции. Апеллятивную функцию выполняют в первую очередь ЭРЕ, представляющие собой застывшие формы повелительного наклонения глаголов, которые в результате десемантизации перешли в разряд междометий. По мнению ученых, использование застывших глагольных форм в качестве обращений не является случайным, поскольку «свои первые коммуникативные потребности древний человек удовлетворял именно посредством глаголов в повелительном наклонении» (В. И. Супрун).

Обращения-междометия в обеих культурах полисемантичны. Функция привлечения внимания в них второстепенна, тогда как основное значение реализуется в коммуникативных ситуациях извинения и приветствия. Так, в условиях повседневного-бытового общения (на улице, в транспорте и т.д.) в качестве обращения к незнакомому адресату чаще всего используются ЭРЕ типа лезг. *багъишламиша* ‘простите, извините’, *тIалабда багъишламишун* ‘прошу прощения’, укр. *вибачте (пробачте), вибачайте, (я) прошу вибачення (пробачення), перепрошую*, первичная функция которых реализуется в ситуации извинения. В лезгинском и украинском языках обращения с семантикой извинения имеют схожую структуру. Как правило, они являются неотъемлемой частью небольшого высказывания, построенного в виде вопроса или просьбы об услуге, например, лезг. *ТIалабда багъишламишун, куьне... лугьудачни?* ‘Прошу прощения, вы не скажете...?’, *Багъишламиша, хабар къадай ихтияр авани?* ‘Извините, можно вас спросить?’ и др., укр. *Прошу пробачити!* Ви не скажете (чи не могли б Ви сказати), *Вибачте, будьте ласкаві...*, *(Я) Прошу пробачення, чи не могли б Ви мені допомогти* и др.

Следует отметить, что ситуация привлечения внимания в украинском языке представлена более широким и разнообразным набором ЭРЕ, тогда как в лезгинском языке их арсенал довольно ограничен и однообразен. Это объясняется тем, что в лезгинском языке лексема *багъишламиша* характеризуется семантической ёмкостью (выражает несколько значений: ‘виноват’, ‘извините’, ‘простите’) и широкой лексической сочетаемостью, что способствовало формированию достаточного для ситуации привлечения внимания набора ЭРЕ. Система украинских ЭРЕ, в свою очередь, не является избыточной, т.к. каждый ее компонент выполняет свою коммуникативную задачу (обращения *вибачте, пробачте* стилистически нейтральны, слово *перепрошую* используется в речи представителей западной Украины, высказывание *(Я) прошу вибачення!* имеет официальный оттенок и т.д.). Данные отличия свидетельствуют о том, что в коммуникативном сознании

украинцев ситуация привлечения внимания расчленена и детализирована, тогда как лезгины воспринимают ее целостно.

В практике речевого общения лезгин и украинцев в роли обращения к незнакомому адресату с целью привлечения его внимания часто используются приветствия. Такие ЭРЕ являются подчеркнито вежливыми и вызывают положительную реакцию собеседника, например, лезг. *Салам алейкум! Квевай хабар къадай ихтияр авани?* ‘Здравствуйте! Можно вас спросить...?’, укр. *Доброго дня, скажіть, будь ласка, як пройти до найближчої зупинки тролейбуса?*

В лезгинском и украинском РЭ функцию обращений могут выполнять апеллятивные междометия, для которых функция привлечения внимания и побуждения к ответной реакции является основной, ср.: лезг. *гьей!, эй!*, укр. *гей!, ей!* Особенностью данных обращений является их простая структура и способность выражать множество эмоционально-волевых значений. Как показывают наблюдения, в лезгинском языке междометия такого типа используются чаще, что обусловлено разными представлениями народов о грубом и вежливом поведении: если украинцы оценивают данные речевые средства как фамильярные, то в коммуникативном сознании лезгин они являются маркерами нейтральной либо дружеской атмосферы общения.

3. В третьей главе «**Речевой этикет в ситуации “Пожелание добра”**» рассматриваются семантика и коммуникативные особенности пожеланий добра в лезгинской и украинской лингвокультурах.

3.1. Под пожеланием добра в лингвистике традиционно понимается вежливое речевое действие, которое реализуется говорящим с целью выразить внимание и симпатию по отношению к адресату и надежду на благополучие в его жизни в будущем и тем самым соответствовать нормам этикета, принятым в данном обществе. В коммуникативной практике лезгин и украинцев пожелания добра являются неотъемлемой частью общения, сопровождая практически все жизненные ситуации (свадьба, рождение ребенка, прием гостей, болезнь, покупка, новоселье и т.д.) и стадии диалога (привлечение внимания собеседника, установление и завершение контакта). Данные ЭРЕ обладают высокой степенью вариативности, широкими функциональными возможностями и играют одну из главных ролей в достижении коммуникативного успеха, что дает основания рассматривать их как ключевые элементы этнического сознания лезгин и украинцев, неотъемлемые компоненты их национальной картины мира.

3.2. Выделение коммуникативных типов пожеланий добра в обоих языках осуществляется с учетом ситуаций, в которых они используются. По коммуникативным признакам все лезгинские и украинские пожелания добра можно поделить на два типа: 1) *коллективные* – произносятся по случаю какого-либо позитивного события в жизни общества; 2) *индивидуальные* – употребляются по поводу какого-либо позитивного события в жизни одного человека или семьи. Пожелания добра, входящие в состав данных коммуникативных подгрупп, выполняют разные функции и соотносятся с разными фрагментами объективной реальности, что способствует их более

детальной классификации. Так, в рамках первой подгруппы выделяются: 1) *коллективные трудовые пожелания добра* (этикетные единицы, непосредственно связанные с трудовой деятельностью коллектива) и 2) *коллективные праздничные пожелания добра* (фразы, приуроченные к определенному празднику – светскому или религиозному). В рамках второй подгруппы пожелания добра делятся на 1) *индивидуальные праздничные* и 2) *индивидуальные повседневно-бытовые*. Например, ЭРЕ типа лезг. *Квез цлий Квалер мубарак хьурай!* ‘Пусть Вам новый дом подарком будет!’, укр. *Дай вам, Боже, легкого прожитку в новій хаті!, Щастя, здоров’я, добробуту Вам у новому домі!* относятся к индивидуальным пожеланиям добра, употребляющимся по случаю новоселья.

3.3. Пожелания добра в обоих языках характеризуются наличием мотивов. Под мотивом подразумевается компонент лексического значения ЭРЕ, указывающий на то, что желает адресант своему собеседнику. Мотив в структуре пожелания является транслятором этнокультурных смыслов, отражая ментальные установки и моральные приоритеты носителей языка. В пожеланиях добра реализуются общие для сопоставляемых языков мотивы: “покровительство Бога”, “здоровье”, “рождение детей”, “добро”, “счастье”, “удача”, “богатство”, “долголетие”, “мир” и т.д. Вместе с тем особенности их коммуникативной реализации, а также степень значимости для носителей сопоставляемых языков разные (см. табл. 5).

Таблица 5

Количественные характеристики пожеланий добра с различными мотивами в лезгинской и украинской лингвокультурах

Мотивы пожеланий добра	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
	к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
покровительство Бога / Аллаха	265	27,9	252	25,8
рождение детей, в т.ч.	147	15,5	124	12,7
– независимо от пола:	40		73	
– рождение сына;	73		25	
– рождение дочери	34		26	
здоровье	128	13,5	156	16
долголетие	110	11,6	78	8
добро	95	10	105	10,7
счастье и удача	83	8,7	99	10,1
богатство	56	5,9	91	9,3
мир	27	2,8	40	4,1
другие	39	4,1	33	3,4
Всего	950	100	978	100

Первое место в иерархии традиционных духовных ценностей обеих лингвокультур занимает мотив “покровительство Бога / Аллаха”. Данный факт свидетельствует о том, что вера в Бога – ключевой элемент национального

сознания лезгин и украинцев. В обоих языках большинство пожеланий добра имеют религиозную основу и содержат компонент *Бог / Аллах*. Понятие “здоровье” занимает разные позиции. В украинском языке количество ЭРЕ с данным мотивом выше, нежели в лезгинском языке. Это дает основания предполагать, что в украинской лингвокультуре здоровье ценится больше. Количество пожеланий добра с мотивом “долголетие” в лезгинском речевом этикете выше по сравнению с украинским языком. По мнению ученых, данное явление имеет этнопсихологическую природу и заложено в особенном менталитете и культурных традициях кавказских горцев, согласно которым почетная роль в обществе принадлежит именно глубоким старцам. Этнокультурные особенности имеют ЭРЕ с мотивом “рождение детей”. В иерархии морально-этических ценностей лезгин он занимает более высокую ступень. При этом установлено, что в лезгинской лингвокультуре принято желать побольше сыновей, поскольку именно они являются продолжателями рода, тогда как дочь создает семью для чужих, например, *Хадайбур рухаяр хьуй!* ‘Чтоб рожала только сыновей!’, *Къул ацІай рухваяр хьуй!* ‘Пусть вокруг очага много сыновей будет!’, *Хва текъей!* ‘Сын твой пусть не умрет / будет жив!’, *Стха текъий тараллай хвад къванди!* ‘Пусть брат, подобно сливе, не умрет!’. Данный факт подтверждают и лезгинские женские имена: *Бес, Къизбес, Тамамат, Тамум* (букв: ‘хватит’, ‘достаточно’, ‘девочек хватит’), которые говорят о том, что рождение девочки в семье не всегда радость. В украинских пожеланиях добра на половой принадлежности ребенка внимание, как правило, не акцентируется, например, *Щоб у вас було стільки діточок, як у небі зірочок!*; *Бодай на вас добра година та грошей торбина, а до того дітвори сотні півтори!*

Достаточно продуктивны в сопоставляемых языках ЭРЕ с мотивами “добро”, “счастье и удача”. В представлениях обоих народов это ключевые понятия народного сознания, о чем свидетельствует приблизительно одинаковое количество ЭРЕ с данными мотивами. Вместе с тем, в украинской лингвокультуре эти понятия ценятся выше.

К наименее значимым мотивам в лезгинском языке относится ‘богатство’, украинском – ‘долголетие’.

4. В четвертой главе «**Речевые единицы в ситуации “Пожелание зла”**» рассматриваются типы пожеланий зла в лезгинской и украинской культурах, определяется их роль в регуляции речевого поведения этносов.

4.1. В современных лезгинском и украинском языках пожелания зла – неотъемлемый компонент ежедневного общения. Несмотря на то, что согласно религиозным канонам и нормам народной морали использование таких высказываний недопустимо, и в обеих культурах они подлежат табуированию, как лезгины, так и украинцы довольно часто прибегают к такому средству выражения негативного отношения к оппоненту. Наличие большого количества пожеланий зла в сопоставляемых языках объясняется в первую очередь историческими, географическими и психологическими факторами. На ранних этапах развития общества человек был более эмоционально неустойчив и подвержен различным психологическим

стрессам, нежели в последующие эпохи, что объясняется тяжелыми условиями существования. Пожелания зла при этом выступали своеобразными информационными каналами связи между людьми и высшими силами, эффективным средством воздействия на окружающую реальность, предупреждения бед и несчастий. Кроме того, можно предполагать, что широкое использование данных речевых единиц – свидетельство особенностей национального характера лезгин и украинцев, которые одинаково склонны к проявлению обостренной эмоциональности и использованию резких выражений в критических ситуациях общения.

4.2. Пожелания зла представляют собой оптативные высказывания, схожие по структурной организации с пожеланиями добра, однако противоположные им по значению. Наиболее яркое отличие пожеланий зла от пожеланий добра состоит в заложенной в них модели адресата. В стандартной коммуникативной ситуации адресатом речи является собеседник. В пожеланиях зла реальный собеседник «не является субъектом тех перемен в состоянии дел, которых ожидает отправитель», он оказывается всего лишь объектом, во вред которому произносится текст. Подлинным же адресатом становится «некая высшая сила – Бог, святые, духи, умершие предки или нечистая сила» (С. М. Толстая). Реальный собеседник все время незримо присутствует где-то рядом, являясь до момента произнесения проклятия лишь пассивным наблюдателем коммуникации.

4.3. Пожелания зла, как и пожелания добра, характеризуются наличием мотивов. Мотивы негативных пожеланий являются общими для обоих этносов и формируются вокруг таких универсальных понятий, как «отсутствие детей», «болезнь», «смерть», «бедность» и т.д.

Вместе с тем степень их продуктивности в сопоставляемых языках, а также особенности коммуникативной реализации имеют культурно обусловленный характер (см. табл. 6).

Таблица 6

**Мотивы пожеланий зла и их количественные характеристики
в лезгинской и украинской лингвокультурах**

№ п/п	Мотивы	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	смерть	257	35,7	290	37,2
2.	отсутствие детей	150	20,8	89	11,4
3.	физические увечья	107	14,9	120	15,4
4.	несчастья, печали, невезения	87	12,1	63	8,1
5.	бедность	67	9,3	61	7,8
6.	болезнь	38	5,3	139	17,8
7.	другие	14	1,9	18	2,3
	Всего	720	100	780	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в сопоставляемых языках наибольшей степенью продуктивности характеризуются пожелания зла с мотивом “смерть”: в лезгинском языке обнаружено 257 единиц (35,7%), в украинском языке – 290 единиц (37,2%). Второе место в сопоставляемых языках занимают разные мотивы: в лезгинском языке – мотив “отсутствие детей” (150 единиц, т.е. 20,8%), в украинском языке – мотив “болезнь” (139 единиц, т.е. 17,8%). Третье место по продуктивности в лезгинской и украинской лингвокультурах занимают речевые единицы с мотивом “физические увечья” (107 и 120 речевых единиц соответственно). В лезгинском языке на четвертом месте находятся речевые единицы с мотивом “несчастье, печаль, невезение” – 87 единиц, т.е. 12,1%, в украинском языке – речевые единицы с мотивом “отсутствие детей” – 89 единиц, т.е. 11,4%. Наименьшей степенью продуктивности в лезгинском языке характеризуются речевые единицы с мотивами “бедность” (67 единиц, т.е. 9,3%) и “болезнь” (38 единиц, т.е. 5,3%), в украинском языке – речевые единицы с мотивами “несчастье, печаль, невезение” (63 единицы, т.е. 8,1%) и “бедность” (61 единица, т.е. 7,8%). Наибольшие количественные расхождения в сопоставляемых языках зафиксированы в составе речевых единиц с мотивами “отсутствие детей” (в лезгинском языке обнаружено на 61 единицу больше) и “болезнь” (в украинском языке зафиксировано на 101 единицу больше).

4.4. Важную роль в структуре пожеланий зла играют *соматизмы* – лексемы, обозначающие части и органы человеческого тела. Использование соматизмов в пожеланиях зла обусловлено антропоцентричностью языка, а также особенностями процессов мышления, физиологии и психологии человека, который познает окружающий мир с помощью таких органов, как глаза, нос, рот, язык и др., и сравнивает предметы, которые его окружают, с частями своего тела, например, лезг. *Гьил кьуруй!* ‘Пусть рука отсохнет!’, *Гьилер хурай!* ‘Чтоб руки сломались!’, укр. *Бодай (хай, нехай) руки повсихають!, Щоб тобі руки покорчило (посудомило)!*

Большинство пожеланий зла с соматическим компонентом в сопоставляемых языках имеют семантические соответствия, что объясняется универсальностью человеческой физиологии, основных законов человеческого мышления, способов освоения окружающего мира и антропоцентричностью языка. Вместе с тем продуктивность данных высказываний, их сфокусированность на той или иной части тела, а также семантический потенциал в конкретных коммуникативных условиях в лезгинском и украинском языках заметно различаются. Как свидетельствует анализ, среди компонентов ядерной группы в обоих языках наиболее продуктивны сенсорные лексемы. И это не случайно, поскольку именно через зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, осязательные рецепторы человек получает больше всего информации об объективной реальности. В лезгинском и украинском языках среди сенсорных соматизмов предпочтение отдается компоненту “глаза”. Лезгины и украинцы воспринимают глаза как один из самых важных органов, с помощью которого человек познает мир (воспринимает около 90% информации) и

выражает все разнообразие своих эмоций. В лезгинских и украинских пожеланиях зла компонент “глаза” сопровождают глаголы деструктивного действия типа лезг. *акъатун, авахъун* ‘ослепнуть’, ‘вытечь’, ‘выйти из орбит’ и укр. *засліпити, повилазити*, например, лезг. *Вилер акъатуй (акъатрай)! ‘Чтобы глаза вышли из орбит!’*, *Вилер авахъуй! ‘Чтобы глаза вытекли!’*, *Яд хъуй ви вилер! ‘Чтоб ты ослеп!’* (букв. ‘Глаза твои пусть будут водой!’), укр. *Нехай (хай) повилазять очі (кому)!, Бодай тобі очі (баньки) засліпило!*

Второе место по степени продуктивности среди сенсорных лексем занимает соматизм “язык”. Активность данного компонента в создании пожеланий зла объясняется его полисемией: с одной стороны, язык – анатомический орган вкуса, с другой стороны, – орган, продуцирующий речь. В пожеланиях зла в сопоставляемых языках доминирует второе значение, поскольку в представлении обоих народов способность говорить – главный признак, по которому человек отличается от других живых существ: лезг. *Мез къве чихел хъурай! ‘Пусть умрет!’* (букв. ‘Пусть язык на две части разорвется!’), укр. *Щоб (хай, нехай і т. ін.) тобі (йому, їй і т. ін.) язык покорчило (відсох, усох; руба, колом став і т. ін.).*

Высокой продуктивностью в обоих языках характеризуются пожелания зла с компонентом “название части тела”. Активную роль в создании пожеланий зла этой группы играют компоненты “рука”, “нога”. Следует отметить, что в украинском языке система пожеланий зла данного типа является более разветвленной за счет использования глаголов деструктивного действия различного семантического наполнения – *повсихати, відсохнути, поламатися, покорчити, посудомити*, например, *Бодай (хай) ноги повсихають!, Хай тобі руки покорчить (посудомить)!* В лезгинском языке вариативность пожеланий такого рода более низкая, в качестве глагола деструктивного действия чаще всего используется лексема *къурун* ‘отсохнуть’, ‘сломаться’, например, лезг. *Гьил (къвач) къуруй! ‘Пусть рука (нога) отсохнет!’* Данные примеры свидетельствуют о том, что украинское языковое сознание склонно детализировать данную коммуникативную ситуацию, тогда как лезгины воспринимают ее более целостно.

В лезгинских и украинских пожеланиях зла с компонентом “голова” актуализируются разные семы. В украинском языке данный соматизм сопровождается глаголом *облізти* ‘лишиться волос’, например, *Щоб твоя голова облізла!* Согласно древним представлениям многих народов, волосы обладают магической силой и выступают символом связи с Высшим миром. В современном восприятии это важный элемент человеческой внешности. В лезгинских пожеланиях зла с компонентом “голова” используется глагол деструктивного действия *атлун* ‘отрубить’, т.е. ‘отделить часть от целого’. Благодаря такому сочетанию актуализируется сема ‘смерть’. Можно предположить, что подобные пожелания в речи лезгин относятся к тому историческому периоду, когда обезглавливание считалось одним из способов наказания врага либо того, кто осквернил Коран или посягнул на авторитет Аллаха, ср.: лезг. *Кьил атлуй! ‘Чтоб голову отрубили!’*

Разной степенью продуктивности в лезгинском и украинском языках отличаются пожелания зла с компонентом “сердце” (в украинском языке продуктивность данных форм выше). Согласно древним представлениям лезгин и украинцев сердце – не только средоточие жизненной силы, но иместилище души, чувств. В украинском языке пожелания зла с компонентом “сердце” имеют преимущественно безличную форму, например, *Щоб тебе за серце взяло!* Использование безличных предложений для обозначения физического состояния человека можно объяснить влиянием первобытного института табу – запрета на называние болезней, демонов и других деструктивных элементов, которые могли накликать беду. Кроме того, в представлении древнего человека многие явления не имели четкого описания и поэтому не именовались. В лезгинском языке пожелания с компонентом “сердце” реализуют значение ‘смерть’, например, *РикI над хьуй!* ‘Чтоб сердце лопнуло!’

Таким образом, продуктивную роль в создании пожеланий зла играют соматизмы с компонентами “глаза”, “рука”, “нога”, “голова”, “сердце”, роль которых в жизнедеятельности человеческого организма прозрачна и понятна, что способствует их легкому метафорическому и метонимическому переосмыслению. К малопродуктивным относятся лексемы, обозначающие такие части человеческого тела, как ребро, поясница, пуп, печенка, живот, которые играют менее приоритетную роль в познании окружающего мира, поэтому процесс их вербализации осуществляется сложнее, например, лезг. *Юкъ хьуй!* ‘Чтоб поясница сломалась!’, *Вин руфун над хьуй!* ‘Чтоб твой живот лопнул!’, укр. *Біса в ребро!*; *Бодай тебе за пупа взяло!*, *А щоб тобі черево луснуло!*, *Сто чортів (триста болячок) в печінку!* и др.

4.5. Смысловая структура пожеланий зла характеризуется значительной концентрацией сакральных сем, носителями которых выступают лексемы, используемые для обозначения персонифицированных явлений природы, мифологических персонажей. Сакральные компоненты в структуре пожеланий зла прошли процесс демифологизации – утраты первоначального сакрального значения в связи с разрушением стереотипов мифопоэтического мышления. Имя мифологического персонажа (образа, явления) выступает смысловым и эмоциональным стержнем высказывания, в котором сконцентрированы мировоззренческие доминанты этноса, особенности его национального характера.

Продуктивными в сопоставляемых языках являются пожелания зла с компонентами “огонь”, “земля”, “гром и молния”, например, “земля”: лезг. *КIвачерик квай чил хана!* ‘Земля под ногами пусть разойдется!’, укр. *Щоб тебе сира земля пожерла!*; “гром и молния”: лезг. *Вун алпанди ягърай!* ‘Пусть гром тебя ударит!’, *Вун цIалапанди ягърай!* ‘Чтоб молния тебя ударила!’, укр. *Щоб грім убив (побив) і блискавка спалила!*; “солнце”: лезг. *Ваз рагъ къалим хьуй!* ‘Пусть покарает тебя солнце!’, *Агъ вун ярагирмиши хьуй!* ‘Чтобы тебя солнце сожгло!’, укр. *Щоб ти крізь сонце пройшов!*, *Сонце би тя побило!*; “огонь”: лезг. *Вун цIаю тухуй!* ‘Пусть тебя огонь унесет!’, *ЦIай акатрай (кткуй)!* ‘Чтоб огнем охвачен был!’ и др.

В составе пожеланий зла обоих языков активно функционируют имена языческих богов, например, лезг. *Сед (Афат)* – властитель Царства злых сил, *Алпан* – громовержец, бог огня, *Малкамут* – божество смерти; *Цехем* – бог сна, *Шайтан* – злой дух: *Ваз Сед хьурай!* ‘Пусть тебя настигнет несчастье!’ (букв. ‘Окажись в руках Седа!’), *Вун Афатди тухурай!* ‘Пусть тебя заберет Афат!’, *Алпандин цукурай!* ‘Пусть сожжет огонь Алпана!’, *Агь, вун Малкамутди тлуьрай!* ‘Съел бы тебя Малкамут!’, *Вун Цехема кьурай!* ‘Чтоб ты долго не просыпался!’ (букв. ‘Пусть схватит тебя Цехем!’) и др., укр. *Бодай (щоб) тебе Перун побив (уперіщив)!*, *А нехай же тебе Перун ясний трісне!*, *Бодай тебе Перун забив темньою ночі!* (у восточных славян Перун – бог дождя, молнии и грома), *Щоб тебе Чорний бог убив!* (в дохристианских верованиях Чернобог – бог зла, ночи, враг людей и света; властитель подземного царства), *Щоб на тебе Див прийшов!* (*Див* в славянской мифологии – зловещая сила в виде птицы), *Цур тобі, пек тобі!*, *Цур та пек лихим очам!* (в дохристианских верованиях Цур и Пек – божества войны, кровопролития, беды).

5. Пятая глава «**Речевой этикет в ситуациях: “Приветствие” и “Прощание”**» посвящена сопоставительному анализу приветствий и прощаний в лезгинской и украинской лингвокультурах.

5.1. Ситуация приветствия в своей основе универсальна, но ее структура и языковая экспликация имеют национально специфический характер. Система лезгинских и украинских приветствий представляет собой совокупность ЭРЕ, которые различаются по семантике, стилистической окраске и функциональной нагрузке. В обоих языках выделяются две группы приветствий: 1) универсальные высказывания, уместные в любой ситуации общения, например: лезг. *Салам алейкум!* ‘Мир Вам!’, укр. *Здрастуйте!* и 2) функционально ограниченные этикетные единицы, использование которых детерминировано определенными коммуникативными факторами. Приветствия второго типа, в свою очередь, делятся на 3 подгруппы: 1) темпорально обусловленные ЭРЕ, например, лезг. *Сабагь (пакаман) хийрар хьуй!* ‘Доброе утро!’ (букв. ‘Утренние пользы пусть будут’), *Нисин хийрар хьуй!* ‘Добрый день!’ (букв. ‘Дневные пользы пусть будут’), укр. *Доброго дня (ранку, вечора)!*, *З добрим ранком Вас!*; 2) ситуативно обусловленные ЭРЕ, например, лезг. *Хвашгелди!* ‘Добро пожаловать!’, *Вун атуь, рагь атуь!* ‘С приездом (возвращением)!’ (букв. ‘Ты пришел – солнце взошло!’), *Вун гьинай, и чкаяр гьинай?!* (букв. ‘Ты откуда, эти места откуда?’), укр. *Гість в дім, Бог з ним!*, *Загостіть, коли ласка ваша!*, *Ласкаво просимо!*, *Хліб-сіль!* (ситуация приема гостей и др.); 3) стилистически маркированные ЭРЕ, например, в официальной обстановке при обращении к незнакомому адресату или адресату более высокого социального статуса используются этикетные единицы типа лезг. *Лап шад я / Кьадарсуз шад я!* ‘Очень рад!’, *Чун гуьруьшмиш хьунал зун шад я!* ‘Я рад нашей встрече!’, *Вун сагьламдиз акулал шад я!* ‘Рад видеть Вас здоровым!’, укр. *Дозвольте привітати Вас!*, *Радий вітати Вас!* и т.д. Среди лезгинских и украинских приветствий обнаруживаются межъязыковые этикетные соответствия.

При этом следует отметить, что о полной тождественности семантики ЭРЕ в сопоставляемых языках речь не идет.

5.2. Прощания представляют финальный этап диалога, предполагающий обмен напутствиями, пожеланиями перед расставанием. Выступая сигналом о прекращении контакта, данные ЭРЕ в то же время определяют дальнейшие отношения собеседников, выражая их желание или нежелание взаимодействовать в будущем. Большинство прощаний в РЭ украинцев и лезгин – это лаконичные тексты-пожелания, в которых в сконденсированной форме нашли отражение общие для обоих этносов ценностные ориентиры: «добро», «благополучие», «здоровье», «счастье», «удача» и т.д. Вместе с тем отмечаются и этнокультурные особенности. В первую очередь обращают на себя внимание различия в семантической плотности лезгинских и украинских прощаний. Так, украинским этикетным формам *До побачення!*, *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!*, *Будьте здорові!*, *Бувай здоров(-ий, -а)!* в лезгинском языке соответствует высказывание *Сагъ хьуй (хьурай)!* ‘до свидания! / прощай! / будь здоров!’ Таким образом, одно лезгинское прощание содержит в своем значении семы, которые в украинском языке распределены между несколькими ЭРЕ. Причины подобных расхождений следует искать в особенностях национального сознания, в частности, в разном восприятии и отображении одних и тех же фрагментов объективной реальности представителями разных культур.

6. В шестой главе «**Речевой этикет в контексте национальных культур**» ЭРЕ рассматриваются сквозь призму мифологических и религиозных представлений этносов, их национальных обычаев и ритуалов.

6.1. Поведение человека в традиционной культуре определяется взаимодействием ряда механизмов, среди которых особое место занимают: 1) мифологические и религиозные представления; 2) культ старшинства и семейно-брачные отношения; 3) обычаи и ритуалы.

6.1.1. В ЭРЕ сопоставляемых языков нашли отражения отголоски язычества – политеистической религии, представляющей собой сложный комплекс архаических обрядов, обычаев, ритуалов, верований, построенных на анимизации и антропоморфизации окружающего мира. В первобытном коллективе данные словесные формулы выполняли магические функции, но с развитием общества и научного знания они утратили сакральный характер, трансформировавшись в стереотипные высказывания, и обрели практическую направленность, т.е. коммуникативную привязанность к ситуациям повседневной жизни. Суммарный набор языческих представлений, заложенный в речевых стереотипах общения лезгин и украинцев, представляет собой общую систему признаков: персонификация неба и небесных светил, атмосферных явлений, земли, огня, воды, растительного и животного мира и т.д., например, почитание солнца: лезг. *Кьилел гьамиша рагъ хьурай!* ‘Пусть будет всегда солнце над головой!’ (пожелание добра), *Заз Рагъ къалум хьуй!* ‘Пусть солнце покарает!’ (клятва), *Рагъ хьтин кас* ‘солнцеподобный человек’, *Рагъ хьтин руш* ‘девушка, подобная солнцу’ (обращения), укр. *сонечко моє!* (ласковое обращение к любимой девушке или

ребенку); почитание огня: лезг. *Зун виниз, чи члеяр агъуз!* ‘Пусть грехи исчезнут с огнем!’ (пожелание добра), *Вун цлаю тухуй!* ‘Пусть огонь тебя унесет!’ (пожелание зла), укр. *Щоб тебе вогонь спалив!* (пожелание зла); почитание луны: лезг. *Кьилел экуь варз хьуй!* ‘Пусть над головой всегда будет светлая луна!’ (пожелание добра); *Варз хьтин чин* ‘луноликая’ (обращение к красивой девушке), укр. *місяцю мій ясний* (обращение) и т.д.

6.1.2. Монотеистические представления лезгин и украинцев конденсируются в речевых конструкциях, семантическим центром которых выступают лексемы *Бог / Аллах*. В далеком прошлом данные высказывания представляли собой сакральные формы общения с Всевышним, являясь неотъемлемой частью молитв, с помощью которых люди, начиная или заканчивая какое-либо дело, стремились заручиться поддержкой высших сил. Высказывания с компонентом *Бог / Аллах* в сопоставляемых языках можно поделить на две группы: 1) ритуально-сакральные и 2) повседневно-бытовые. ЭРЕ первой группы реализуют прямое значение, обслуживая религиозную сферу, т.е. содержат сакральные семы, например, лезг. *Бисмиллахи рахмани рахим!* ‘Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!’, укр. *Слава навіки Богу Святому!* Высказывания второй группы подверглись полной или частичной десемантизации и стали использоваться в переносном значении, обслуживая различные ситуации повседневно-бытового общения, например, в ситуации приветствия работающего употребляются этикетные единицы типа лезг. *Ваз аллагьди кьуват гурай!* ‘Пусть Аллах даст тебе силы!’, укр. *Бог на (у) поміч!, Боже, помози!, Дай, Боже, щастя!*

6.2. РЭ семейного общения лезгин и украинцев базируется на таких универсальных морально-этических ценностях, как почитание старших, забота о младших, взаимное уважение между супругами и др. Вместе с тем каждый этнос структурирует семейную коммуникацию по-своему. Степень неформальности семейного диалога, понимание принципа субординации в общении членов семьи, коммуникативные предписания и запреты, а также выбор тона и стиля общения, речевых средств и невербальных знаков имеют национально специфический характер, что обусловлено как собственно языковыми, так и экстралингвистическими факторами.

Традиционный уклад современной дагестанской семьи отличается строгой семейной иерархией с безусловным главенством мужчины, подчиненным положением женщины и приоритетной ролью старших по возрасту родственников. Данные факторы способствовали формированию особого типа поведения, главными чертами которого являются индифферентность (проявление внешнего безразличия, эмоциональной сдержанности), подчеркнутая вежливость, соблюдение разнообразных вербальных и невербальных табу. В основе такой коммуникативной модели – обычай избегания (ограниченного взаимодействия) в общении родителей и детей, мужа и жены и их родственников, который с древних времен существовал в культуре многих народов Кавказа.

В украинской культуре сложился иной стиль общения, в основе которого – отсутствие жестких правил, демократичность, эмоциональность,

открытое проявление любви и нежности, минимум этикетных ограничений, что нашло отражение в разветвленной системе ласковых обращений, которые используются по отношению к родственникам, независимо от их места в семейной иерархии: *мамочко, батечку, бабуся, дідусю, синочку, донечко, доненько, дочечко* и др. Тем не менее, отсутствие строгих норм поведения в семейном общении украинцев не исключает необходимости соблюдения принципа уважения старших, который в украинской культуре, как и в культуре лезгин, имеет глубокие исторические корни, являясь отголоском патриархального строя.

6.3. Национально специфичными в сопоставляемых лингвокультурах являются взаимоотношения между мужчинами и женщинами, что нашло непосредственное отражение в РЭ. Одной из выразительных форм объективации и манифестации гендера в сопоставляемых языках является обращение – «частотная единица общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» (Н. И. Формановская). В лезгинских и украинских обращениях гендерный фактор маркируется по-разному, что обусловлено в первую очередь структурными особенностями сопоставляемых языков. Лезгинский язык, принадлежащий к языкам агглютинативного типа, характеризуется отсутствием грамматической категории рода и ее морфологических показателей (флексий и формообразующих суффиксов). Разграничение ЭРЕ по признаку пола осуществляется лексико-семантическим способом, который предполагает использование в качестве обращений к мужчине и женщине разнокоренных лексем с противоположной семантикой, например, *я руш* ‘девочка, девушка, дочь’, *я гада* ‘мальчик, юноша, сын’. Однако в большинстве случаев обозначение пола с помощью языковых средств имеет необязательный характер и самими говорящими не осознается. Этим обстоятельством объясняется наличие в лезгинском языке гендерно-нейтральных ЭРЕ, в семантике которых не содержится указания на пол собеседника и которые могут в равной степени адресоваться как мужчинам, так и женщинам: *хтул* ‘племянник, племянница’, *зи масанди* ‘мой(-я) дорогой(-ая)’, *гьурметлу* ‘уважаемый(-ая)’, *кІвал чІур тахъайди* ‘милый(-ая), любезный(-ая)’ (букв. ‘не потерявший(-ая) дом’), *хизан сагъ хъайди* ‘обладающий(-ая) благополучной семьей’, *хва (хизан) текъейди* ‘не потерявший(-ая) сына (семью)’ и др. В украинском языке, как и в других языках флективно-синтетического типа, вербальное обозначение гендерной принадлежности адресата является обязательным и осуществляется с помощью лексико-семантических и/или морфологических средств. В зависимости от способа выражения, гендерная маркированность может быть полной, т.е. охватывать как план выражения, так и план содержания (*батьку – мамо, сину – доню*), либо частичной, при которой гендерные маркеры присутствуют в плане выражения, но отсутствуют в плане содержания. При частичной гендерной маркированности показателем гендера, как правило, служат флексии (*шановний пане – шановна пані*), однако в женских формах обращений, которые в украинском языке являются производными от мужских, носителем

гендерной информации может выступать также формообразующий суффикс (*добродію – добродійко*).

Гендерный фактор присутствует не только в семантике тех или иных ЭРЕ, но и в особенностях их функционирования в процессе коммуникации. Как показывают наблюдения, лезгины, как и все дагестанцы, отдают предпочтение общению с представителями своего пола, что поддерживается силой общественного мнения и системой воспитания, причем данная тенденция сильнее проявляется у мужчин. В связи с этим, в лезгинском языке отмечается наличие «маскулинных» обращений, которые функционируют исключительно в мужской коммуникации. Например, обращение *я кас!* ‘эй, человек!’ – наиболее употребительное обращение в речи мужчин, маркер мужского общения. Данный языковой факт органично вплетается в систему мифологических верований и мировоззренческих установок лезгин, согласно которым *Кас* – первый человек, созданный богами, представитель мужского пола. В речи женщин доминируют обращения с позитивной или негативной эмоциональной оценкой типа *чама* ‘милочка’, *кІвал къени хъайиди* ‘счастливая, дорогая’ (букв. ‘у которой дом процветает’), *кІвал чІур хъайиди* ‘несчастливая’ (букв. ‘у которой дом разрушился’), *хизан текъейди* ‘дорогая, моя хорошая’ (букв. ‘та, чья семья не умерла’), *я гуж тахъайди* (букв. ‘не перегрузившаяся тяжелым трудом, не больная’) и др.

В общении украинцев граница между мужской и женской речью не столь выразительна, как в общении лезгин, поэтому провести четкую границу между женскими и мужскими вариантами обращений здесь довольно сложно. Наблюдаются лишь определенные тенденции к употреблению тех или иных форм, определяющие специфику женского или мужского речевого поведения. Примечательно, что если в лезгинском языке первостепенную роль в выборе обращений играют гендерные и возрастные различия, то в украинском языке в ряде случаев приоритетными являются другие факторы (степень знакомства, социальный статус, тональность общения и др.).

6.4. Национально специфические особенности в сопоставляемых лингвокультурах имеет ритуал прощания с умершим, вербальная репрезентация которого осуществляется с помощью соболезнований. В обеих лингвокультурах используются соболезнования двух типов: 1) адресуемые покойному и 2) адресуемые родственникам покойного. Общие черты обнаружены в высказываниях первого типа – древних по происхождению сакральных текстах, которые сформировались, с одной стороны, под влиянием язычества, с другой – под влиянием монотеизма – христианства (в украинской культуре) и ислама (в культуре лезгин). Данные ЭРЕ отражают общие для украинцев и лезгин мировоззренческие установки: понимание смерти как перехода в другое состояние, вера в существование загробного мира, бессмертие души, культ предков и др., например, лезг. *Къейидаз женнет къисмет хъурай!* ‘Рай местом покоя его пусть будет!’, *Женнет жагъурай!* ‘Пусть станет обитателем рая!’, *Адан гунагърилай гъил къачурай!*

‘Да смоються его (ее) грехи!’; укр. *Царство небесне його душі!, Померлому (померлим душам) царство небесне, вічний покій!, Нехай з богом спочиває!*

Соболезнования второго типа в РЭ лезгин и украинцев ориентированы на выражение сочувствия, сострадания, оказание психологической поддержки собеседнику. В украинском языке в общении с родственниками умершего доминируют перформативные высказывания, семантическим центром которых выступает перформативный глагол либо его глагольно-именные эквиваленты, например: *Я щиро Вам співчуваю!, Висловлюю тобі (Вам) співчуття* и др. – универсальные формулы, уместные в любой коммуникативной ситуации. В лезгинском языке подобные формы используются редко, преимущественно в официальной письменной речи. В бытовом общении лезгин в качестве соболезнований чаще всего фигурируют пожелания с семантикой ‘здоровье’, ‘добро’, ‘радость’, ‘благополучие’ и др., которые имеют жизнеутверждающий характер и направлены на психологическую поддержку адресата, например, *Квез хажалатарни хъана, куьн сагърай!* ‘У Вас горе, желаю Вам здоровья!’, *Им куь эхиримжи фикир, хажалат хъурай!* ‘Пусть будет горе Ваше последним!’, *Квез мад къведайбур шад, хъсан хабарар хъурай!* ‘Пусть порог Ваш будет освещен добрыми вестями!’ и др.

Таким образом, лезгинские соболезнования обращены в будущее собеседника и демонстрируют рациональное восприятие лезгинами смерти как неизбежного события. Украинские соболезнования сосредоточены на факте утраты, эмоциях и переживаниях адресата и свидетельствует о том, что украинцы воспринимают смерть более болезненно и драматично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные результаты исследования могут быть представлены в следующих выводах и обобщениях.

1. В системе РЭ лезгинского и украинского языков обнаружены общие черты. Исследуемые этикетные речевые единицы в сопоставляемых языках функционируют в идентичных ситуациях общения и обнаруживают схожий набор семантических и коммуникативных типов, что обусловлено универсальностью человеческого мышления и способов освоения окружающей действительности средствами языка.

Вместе с тем наблюдаются и существенные различия (как в количественных, так и в качественных характеристиках ЭРЕ), обусловленные лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

2. Различается общий количественный состав этикетных единиц сопоставляемых языков, а также продуктивность отдельных этикетных групп. В лезгинском и украинском языках обнаружены количественные несоответствия (в украинском языке ЭРЕ больше, причем в значительной степени это касается обращений), что обусловлено наличием суффиксов субъективной оценки в украинском языке и их отсутствием в лезгинском языке, последовательным разграничением обращений к адресатам мужского

и женского пола – в украинском языке, отсутствием грамматической категории рода и наличием гендерно-нейтральных ЭРЕ в лезгинском языке.

3. В сопоставляемых языках степень продуктивности ЭРЕ, обслуживающих различные ситуации общения, не одинакова. Данные факты обусловлены в первую очередь экстралингвистическими факторами, в частности, особенностями восприятия коммуникативной ситуации представителями неродственных культур и категоризации ее средствами языка. В лезгинском языке большинство ЭРЕ характеризуются более широким семантическим объемом: одна лезгинская этикетная единица, как правило, содержит семы, которые в украинском языке распределяются между несколькими этикетными единицами. Это свидетельствует о том, что лезгины воспринимают объективную реальность более абстрактно и синкретично, тогда как украинское сознание склонно к ее членению и детализации, что предполагает использование более широкого спектра этикетных высказываний. Кроме того, в лезгинском РЭ прослеживается устойчивая тенденция к полисемии и полифункциональности: одни и те же ЭРЕ могут выступать носителями различной семантики и использоваться в различных ситуациях общения. В украинской культуре отмеченные тенденции проявляются менее выразительно.

4. Семантика лезгинских и украинских ЭРЕ ориентирована на такие общечеловеческие ценности, как добро, счастье, здоровье и т.д., реализующиеся в качестве мотивов. В сопоставляемых языках обнаружены общие мотивы: “покровительство Бога”, “добро”, “рождение детей”, “здоровье”, “долголетие”, которые, вместе с тем, занимают разное место в ценностной иерархии лезгин и украинцев. На примере пожеланий добра установлено, что доминантными в украинском РЭ выступают мотивы “покровительство Бога”, “добро” и “здоровье”, в лезгинском – “покровительство Аллаха”, “долголетие” и “рождение детей”. Данные результаты обусловлены экстралингвистическими факторами, в частности, типом культуры, спецификой общественного уклада, мировоззренческими установками носителей языка. Так, например, в лезгинской лингвокультуре полноценной может считаться только многодетная семья, при этом внимание акцентируется на рождении мальчиков, которые занимают в дагестанском обществе более приоритетные позиции, что нашло непосредственное отражение в пожеланиях добра. В украинской культуре на гендерном факторе внимание, как правило, не акцентируется.

5. РЭ является зеркальным отражением социальной организации общества. В этом контексте можно утверждать, что лезгинский РЭ проникнут духом патриархального строя, в основе которого – принципы главенства мужчины и подчиненного положения женщины, четкого разграничения мужских и женских ролей, беспрекословного подчинения старшим. Украинцы сохранили традиции равноправия в общении представителей противоположных полов, особо уважительного отношения к женщине-матери. Данными обстоятельствами объясняется и тот факт, что у украинцев специализация общения определяются прежде всего степенью

знакомства и социальным положением коммуникантов. В лезгинской культуре более значимыми факторами, влияющими на выбор ЭРЕ, являются пол и возраст коммуникантов, а в случае общения с женщиной – ее семейное положение. При этом особенно ярко проявляется тенденция манифестировать гендерные различия между коммуникантами.

6. В системе лезгинского и украинского РЭ наблюдаются гендерные асимметрии и тенденция к андроцентричности. При этом в лезгинском языке данные тенденции более выразительны, что проявляется в синтагматике общения – формировании специальных стандартов речевой коммуникации, в частности, мужских и женских вариантов речевого поведения. Подобной дифференциации более подвержена система обращений, а также пожеланий добра и зла. Гендерные асимметрии обнаруживаются и на чисто языковом уровне. Это проявляется в тождественности семантики понятий «человек» и «мужчина», отсутствии в некоторых случаях разграничений рода. Кроме того, в системе обращений сопоставляемых языков обнаружена разноуровневая гендерная маркированность. В украинском языке она может быть полной (гендерные маркеры присутствуют как в плане содержания, так и в плане выражения) либо частичной (гендерные маркеры присутствуют в плане выражения, но отсутствуют в плане содержания). В лезгинском языке гендерная маркированность имеет частичный (семантический) характер, грамматическая категория рода и ее формальные показатели отсутствуют. Этим обусловлено функционирование в лезгинском языке гендерно-нейтральных ЭРЕ, которые могут в равной степени адресоваться как мужчине, так и женщине.

7. Этнокультурные особенности обнаружены в РЭ семейного общения. В лезгинской лингвокультуре под влиянием патриархального строя сформировался особый тип поведения, главной чертой которого является проявление внешнего безразличия, эмоциональной сдержанности, подчеркнутой вежливости, соблюдение разнообразных вербальных и невербальных табу. В основе такого поведения – обычай избегания (ограниченного взаимодействия) в общении родителей и детей, мужа, жены и их родственников, который с древних времен существовал в культуре многих народов Кавказа. В украинской культуре сложился иной стиль общения, в основе которого – отсутствие жестких правил, регулирующих взаимоотношения между разными категориями родственников, демократичность, эмоциональность, открытое проявление любви и нежности, минимум этикетных ограничений.

8. В семантике лезгинских и украинских ЭРЕ нашли отражение мировоззренческие установки лезгин и украинцев, их религиозные и мифологические представления. Многие этикетные речевые единицы в сопоставляемых языках, несмотря на частичную десемантизацию, сохраняют сакральные семы, отражающие особенности языческого мировосприятия. В состав таких этикетных единиц, как правило, входят различные лексические компоненты, содержащие имена языческих богов, демонов и других мифических персонажей. Большой степенью

продуктивності в обоих языках характеризуються етикетні одиниці, апеллюючі к Богу / Аллаху.

9. На формування лезгінського і українського РЕ суттєве вплив оказали природно-географічні фактори. На прикладі звернень-експресивів, утворених в результаті метафоризації явищ оточуючої природи, встановлено, що об'єктами метафор в порівнюваних мовах, як правило, стають або різні об'єкти, або різні ознаки одного і того ж об'єкта, актуальні для тієї або іншої культури.

10. Дане дослідження не вичерпує розглядаваної проблематики. За межами порівняльного аналізу мовного етикету в лезгінській і українській лінгвокультурах залишаються ЭРЕ тематических груп «Просьба», «Извинение», «Благодарность», «Совет» і т.д. Перспективу подальшого дослідження представляє також порівняльний аналіз мовного етикету на матеріалі різних різноструктурних мов.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Монографии

1. Ветрова Э. С. Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте: монография. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 398 с. – (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; т. 15).

Публикации в рецензируемых научных изданиях

2. Ветрова Е. С. Засоби вираження привітання в різних лінгвокультурних традиціях (на матеріалі української та лезгінської мов) // Українська мова: науково-теоретичний журнал. – К.: Ін-т української мови НАН України. – 2012. – № 3. – С. 111–122.

3. Ветрова Е. С. Традиційні побажання в мовленнєвому етикеті українців і лезгінів: лінгвокультурологічний аспект // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2012. – Т. 25 (64). – № 3 (2). – С. 129–139.

4. Ветрова Е. С. Функціонально-прагматичні особливості побажань у мовленнєвому етикеті українців і лезгінів: зіставний аспект // Східнослов'янська філологія: зб. наук. пр. – Горлівка: Видавництво ГДПШМ, 2013. – Вип. 24. Мовознавство. – С. 26–41.

5. Ветрова Е. С. Мовленнєвий етикет у дзеркалі монотеїстичних вірувань українців і лезгінів // Одеський лінгвістичний вісник: науково-практичний журнал. – 2015. – Вип. 6: в 2-х ч. – Т. 2. – С. 3–8.

6. Ветрова Э. С. Речевые средства привлечения внимания без называния адресата (на материале украинского и лезгинского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2015. – Вып. 10 (163). – С. 55–61.

7. Ветрова Е. С. Стереотипи мовленнєвої поведінки українців і лезгінів крізь призму язичництва // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного

університету. Серія: Філологія. – Одеса, 2015. – № 15: в 2-х т. – Т. 1. – С. 128–131.

8. Ветрова Э. С. Эмотивная семантика междометных высказываний с компонентом Бог / Аллах в речи украинцев и лезгин // Научный диалог. – Екатеринбург, 2015. – № 12 (48). – С. 38–48.

9. Ветрова Э. С. Об особенностях речевого этикета семейного общения (на материале украинского и лезгинского языков) // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 2 (28). – С. 156–163.

10. Ветрова Э. С. Этнокультурные особенности обращений к возлюбленной (на материале украинского и лезгинского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 12 (66): в 4-х ч. – Ч. 2. – С. 74–79.

11. Ветрова Э. С. Особенности репрезентации гендерных отношений в украинских и лезгинских обращениях // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 4 (73). – С. 52–58.

12. Ветрова Э. С. Особенности речевого поведения украинцев и лезгин в ситуации «гостеприимство» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 3 (57): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 90–95.

13. Ветрова Э. С. Пожелания зла в коммуникативной культуре украинцев и лезгин // Научный диалог. – Екатеринбург, 2016. – № 1 (49). – С. 16–31.

14. Ветрова Э. С. Средства выражения соболезнования в речевом этикете украинцев и лезгин // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 162–166.

15. Ветрова Э. С. Этнокультурная специфика прощаний (на материале украинского и лезгинского языков) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 50–56.

16. Ветрова Э. С. Речевые модели пожелания добра в лезгинской и украинской лингвокультурах // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: науч. журнал. – Донецк: ДонНУ, 2017. – Т. 13. – Вып. 3 (37). – С. 100–110.

17. Ветрова Э. С. Сопоставительный анализ единиц речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: науч. журнал. – Донецк: ДонНУ, 2017. – Т. 13. – Вып. 4 (38). – С. 32–50.

18. Vetrova E. S. Subjects of wishes in speech etiquette of Ukrainians and Lezgins: universal and ethnocultural // Linguistic Studies: international collection of scientific papers. – Donetsk: DonNU, 2014. – Vol. 29. – P. 200–212.

Публикации в других изданиях

19. Ветрова Е. С. Звертанья-терміни спорідненості в мовленнєвому етикеті українців і лезгинів: зіставний аспект // TRENDS and tendencies in modern philology / edited by Boris Kožuh, Vida Medved Udovič. – Koper: Faculty of Education, 2013. – P. 75–93.

Труды апробационного характера

20. Ветрова Е. С. Побажання здоров'я у мовленнєвому етикеті українців і лезгинів // Актуальні питання філологічних наук: наукові дискусії: Міжнародна наук.-практ. конф., 25–26 вересня 2015 р.: матеріали. – Одеса: Південноукраїнська організація «Центр філологічних досліджень», 2015. – С. 78–83.

21. Ветрова Э. С. Пожелания смерти в речевом общении украинцев и лезгин // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: XL–XLI Международная заочная науч.-практ. конф., октябрь: сб. ст. по материалам. – Москва: Интернаука, 2015. – № 9–10 (37). – С. 171–180.

АННОТАЦИИ

Ветрова Э. С. Речевой этикет в лезгинской и украинской лингвокультурах. – Рукопись.

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – ГОУ ВПО «Донецкий государственный университет», Донецк, 2018.

Диссертация посвящена сопоставительному исследованию речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах. В работе впервые применяется комплексный подход к изучению этикетных речевых единиц, предлагается новая методика их сопоставительного анализа. Объектом исследования являются этикетные речевые единицы, употребляемые в ситуациях приветствия, прощания, обращения, пожелания добра, соболезнования. Кроме того, исследуются речевые единицы, обслуживающие коммуникативную ситуацию «Пожелание зла», которые выходят за рамки речевого этикета, однако являются неотъемлемой частью повседневного общения лезгин и украинцев, выступая своеобразными речевыми табу, играющими важную роль в регуляции и регламентации речевого поведения.

В диссертации изучаются факторы, влияющие на выбор лезгинских и украинских этикетных речевых единиц в различных ситуациях общения, выявляются общие и отличительные черты в семантике и коммуникативных особенностях исследуемых этикетных высказываний.

В результате анализа установлено, что в системе лезгинского и украинского речевого этикета наблюдаются общие черты. Исследуемые этикетные речевые единицы в сопоставляемых языках функционируют в идентичных ситуациях общения и обнаруживают схожий набор семантических и коммуникативных типов, что обусловлено универсальностью человеческого мышления и способов категоризации объектов окружающего мира средствами языка. Однако обнаружены и различия, связанные с количественным составом этикетных речевых единиц, продуктивностью их семантических и коммуникативных типов, что объясняется, с одной стороны, структурными особенностями сопоставляемых языков, с другой стороны –

экстралингвистическими факторами (мировоззренческими представлениями этносов, спецификой их культуры, национальных традиций, обычаев).

Ключевые слова: речевой этикет, этикетные речевые единицы, коммуникативная ситуация, коммуникативные особенности, семантика, мотив, гендерные асимметрии, лезгинская лингвокультура, украинская лингвокультура.

Vetrova E. S. Speech etiquette in the Lezgian and Ukrainian linguocultures. – Manuscript.

Dissertation for a Doctorate Degree in Philology: speciality 10.02.20 – comparative-historical, typological and contrastive linguistics. – State educational institution of higher professional education “Donetsk National University”, Donetsk, 2018.

The thesis focuses on the contrastive study of speech etiquette in Lezgian and Ukrainian linguocultures. Complex approach to the study of speech etiquette units is introduced, new methodology of their contrastive analysis is applied. Particular attention is paid to the consideration of the national peculiarities of Lezgian and Ukrainian speech etiquette units, the identification of common and differential features in their semantics and communicative realization. The research has revealed that Lezgian and Ukrainian speech etiquette systems share common features which can be accounted for by the universality of human thinking and ways of categorizing objects of reality by means of the language. However, some linguistic factors, namely different structure of the languages contrasted as well as some extralinguistic factors (culture type, worldview peculiarities, customs and traditions of the ethnoeses compared) lead to differences in quantitative characteristics of the language units under study and productivity of their semantic and communicative types.

Key words: speech etiquette, speech etiquette units, communicative situation, communicative peculiarities, semantics, motive, gender asymmetries, Lezgian linguoculture, Ukrainian linguoculture.